

ГАЛЬДУР

роман

Мороз В.Е

18+

Морок В.Е

Гальдур

<https://litres.ru/73579794>

SelfPub; 2026

Аннотация

Джон возвращается в семейный дом после смерти отца, чтобы помочь мачехе и сводным сестрам. Но дом хранит древнюю тайну.

В его сознании просыпается голос — Гальдур, древний демон, требующий энергию. Его условия: похоть или смерть.

Теперь Джон разрывается между желанием защитить близких и тьмой, растущей внутри. А по пятам идет женщина с таким же демоном в груди, готовая уничтожить всех, кого он любит.

Содержание

Пролог	4
Глава 1: Дом на краю леса	14
Глава 2: Голод	62
Глава 3: Семя	114
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Морок В.Е

Гальдур

Пролог

Это история о возвращении.

Джон приезжает в дом, где когда-то был счастлив. Его отец мертв, семейный бизнес разрушен, а женщина, которая вырастила его, едва держится на ногах. Вместе с двумя сводными сестрами – вспыльчивой Хлоей и застенчивой Эмили – они пытаются начать новую жизнь в старом доме на краю леса.

Но в ту же ночь что-то приходит за ним.

Древний голос прорастает в сознании, требуя подчинения. Желания, которые никогда не были его собственными, начинают управлять телом. И чем больше он сопротивляется, тем ближе становится к той черте, за которой не будет возврата.

Враги оказываются ближе, чем он думал. Союзники –

опаснее, чем он мог предположить. А те, кого он поклялся защищать, становятся не просто заложниками его борьбы, но и её главной ценой.

Меган, женщина из прошлого его отца, ведёт собственную игру. За ней – сила, которая старше любых человеческих законов. И у неё есть цель: уничтожить всё, что дорого Джону.

Но в его голове живёт не просто монстр. В его голове живёт тот, кто потерял всё и ждал тысячу лет, чтобы отомстить.

Война неизбежна. Вопрос лишь в том, кем Джон станет, когда она закончится.

—

Воспоминание приходит не как сон, а как ожог.

Я стою на детской площадке, и солнце светит сквозь жёлтую листву. Хлоя бежит впереди, и её смех разносится над пустой площадкой, звонкий, беззаботный – такой, каким он был когда-то, до всего. До похорон. До тишины в доме, которая стала тяжелее любых криков.

– Ты не сможешь меня поймать, Джон! – кричит она, и я бегу за ней, чувствуя, как песок хрустит под кроссовками,

как ветер путается в волосах.

– Джон? – она оборачивается, и я вижу, как её лицо меняется. Улыбка сползает, глаза становятся больше, темнее.

– Джон...? – голос её становится тише, будто она удаляется, хотя стоит на месте. – Где ты...?

Я выскакиваю из-за дерева, хватаю её за руку.

– А вот и я! Попалась!

Она взвизгивает, потом смеётся, и этот смех возвращает меня в детство, когда всё было просто и понятно. Когда отец был жив, когда Моника улыбалась, когда мы были семьёй, а не тем, во что превратились.

– Ах ты, негодяй! – она толкает меня в плечо

– Ты напугал меня.

– Ты слишком легко пугаешься.

– Это нечестно... – она надувает губы, и я вижу в ней ту девчонку, которая боялась темноты и верила, что под кроватью живет монстр.

– Я всегда проигрываю.

– Почему ты всегда преследуешь мою попку, а не попку Эмили?!

– Ну, она уже давно ушла, – я пожимаю плечами.

– Тут только ты и я.

– Скучно, когда мы играем в догонялки одни.

Я открываю рот, чтобы ответить, но звук разрывает тишину. Низкий, гортанный рык, от которого кровь стынет в жилах. Я узнаю его. Я всегда буду его узнавать.

– А-а-а-а! – кричит Хлоя.

– На горку! Быстрее!

Я хватаю её за руку, и мы бежим. Песок скользит под ногами, сердце колотится где-то в горле. Собака – огромная, чёрная, с горящими глазами – вылетает из кустов.

– Давай, Хлоя! Шевелись!

– Горка! Она скользкая... Я... Я не могу!

– У нас нет времени!

Я подсаживаю её, и она карабкается наверх, цепляясь за ржавые перекладыны. Её пальцы скользят, но я держу её, толкаю вверх, пока она не оказывается наверху.

– Ладно, я залезла.

Она протягивает руку, и я хватаюсь за неё. Собака прыгает, и я чувствую её дыхание на своей ноге.

– Оставь нас в покое!

Я пинаю её, бросаю горсть песка. Она скулит, отступает.

– Получай, ублюдок!

Собака убегает, и Хлоя смотрит на меня с восхищением.

– Ого... Ты его отпугнул.

Она сжимает мою руку.

– Он почему-то был очень зол...

– Черт... – выдыхаю я, чувствуя, как дрожат колени.

– Я так испугался!

– Хе, а я нет.

– Лгунья.

– Нет, я не лгунья!

– Ладно, в следующий раз я оставлю тебя одну, хорошо?

– Нет! – она вцепляется в мою руку, и я чувствую, как её пальцы дрожат

– Я... Ладно, ладно... Я испугалась тоже.

Она смотрит на меня, и в её глазах – благодарность, смешанная с чем-то ещё. С надеждой.

– Спасибо, что не бросил меня...

– Я никогда не брошу тебя, Хлоя.

– Клятва на мизинчиках?

Я сцепляю свой палец с её.

– Инки-пинки клянусь!

– Я никогда не брошу тебя.

Слова отдаются эхом, и я открываю глаза.

Я лежу на кровати в незнакомой комнате. Потолок низкий, с трещиной, идущей от люстры к углу. Пахнет сыростью, старой древесиной и ещё чем-то – чем-то чужим, древним, что не имеет запаха, но чувствуется каждой клеткой.

И никогда не сдержу.

Голос приходит из пустоты, и я чувствую, как по спине пробегает холод.

– Кто здесь? – шепчу я, но в комнате никого. Только тени, которые колышутся на стенах, будто их колышет ветер, которого нет.

Где-то внизу хлопает дверь. Я слышу голос Моники – усталый, резкий, и голос Хлои – такой же резкий в ответ. Эмили молчит, как всегда.

Я закрываю глаза.

Ты не сможешь их защитить.

Голос теперь внутри. В моей голове. Или в моей крови. Или глубже – там, где я даже не знал, что есть место для чужого.

– Кто ты? – спрашиваю я, и слова выходят хриплыми, будто я кричал.

Тишина.

А потом я чувствую это. Не холод. Не страх. Что-то большее. Что-то, что было здесь задолго до меня и останется после.

– Ты уже знаешь, – шепчет голос, и в нём нет зла. Нет добра. Только древность, которая не укладывается в человеческие понятия.

– Ты всегда знал.

Я открываю глаза.

В углу комнаты, там, где должна быть пустота, сгущается тьма. Она не похожа на обычную ночную черноту – она плотная, почти осязаемая, и в её глубине я различаю очертания. Не лица, не фигуры, а чего-то древнего, бесформенного, но живого.

– Gur atha morgul, zil banak tu...

Слова приходят из ниоткуда, и я понимаю их, хотя никогда не слышал этого языка.

– Tal durn, ash kor eth... Gar thul!

Я хочу закричать, но не могу. Хочу убежать, но тело не слушается. Я прикован к кровати, к этому дому, к этой тьме, которая раскрывается подо мной, как бездонный колодец.

– ...Ash var eth, ash var thrak, ash var durb. Thrak tu mord, ash nazg gimbatul.

Я падаю.

Вниз, в темноту, которая становится светом. В холод, который становится жаром. В тишину, которая становится голосом, что будет звучать в моей голове до конца моих дней.

Ты мой.

Последнее, что я слышу перед тем, как тьма поглощает меня, – смех Хлои. Звонкий, беззаботный, каким он был когда-то.

– Я никогда не брошу тебя, Хлоя.

– Инки-пинки клянусь!

Я падаю.

Глава 1: Дом на краю леса

Дорога, петлявшая между вековых сосен, становилась все уже и ухабистее, пока, наконец, не превратилась в две колеи, теряющиеся в лесной чаще. Машина двигалась медленно, словно нехотя, и каждый новый поворот приближал Джона к жизни, которую он оставил больше года назад.

В зеркале заднего вида он видел лица сестер. Хлоя, старшая на год, сидела с каменным выражением лица, сжав губы в тонкую линию. Эмили, самая младшая, наоборот, едва сдерживала улыбку, выглядывая в окно на мелькавшие стволы деревьев.

Это была его семья. Или, по крайней мере, то, что от нее осталось.

Моника, сидевшая на переднем сиденье, резко выпрямилась.

– Джон! Ты пропустил поворот!

Джон выругался сквозь зубы и, крутанув руль, съехал на грунтовку, которая тут же начала трясти машину так, что у

пассажиров на заднем сиденье клацнули зубы.

– Я же говорила, что за рулем должна была быть я!

– Ты водишь слишком медленно, – буркнул Джон, но в голосе его не было злости. Только усталость от долгой дороги, от напряжения, от всего, что ждало его впереди.

Из-за спины донесся визг и глухой удар – похоже, Хлоя и Эмили столкнулись головами на очередном ухабе.

– Эмили! Слезь с меня! – рывкнула Хлоя.

– Я... я не специально! Джон водит как сумасшедший.

– Хлоя, будь добрее к Эмили, – устало сказала Моника, оборачиваясь на заднее сиденье. – Эмили, если бы ты была пристегнута, этого бы не случилось.

Затем она повернулась к Джону. В свете приборной панели ее лицо казалось высеченным из камня – красивым и безжалостным, как у статуи, которая слишком долго стояла под дождем.

– И ты... Что, если бы на встрече была машина?

– Я не видел ни одной уже минут двадцать, – пожал плечами Джон.

– Удивительное явление для шоссе.

Он вырулил на узкую грунтовую дорогу, не сбавляя скорости. Колеса чавкали по размокшей земле, ветки хлестали по бортам, оставляя на краске длинные царапины. Моника бросила на него недовольный взгляд, но промолчала.

– Кстати говоря... – начал Джон, сворачивая на едва заметную тропу, которая вела в самую чащу, туда, где не было ни огня, ни людей, ни даже признаков цивилизации. – Значит... Это тот дом, который отец не включил в реестр?

Моника молчала несколько секунд. Когда она заговорила, в ее голосе слышалось что-то тяжелое, почти забытое.

– Да. Это единственное, что они не смогли у нас отнять.

Через несколько минут езды они остановились. Джон заглушил двигатель, и тишина обрушилась на них с почти физической силой – такая густая, что казалось, ее можно было потрогать руками.

Перед ними стоял двухэтажный дом. Слово «дом» подходило ему с большой натяжкой. Облупившаяся краска, поко-

сившееся крыльцо, окна, в которых отражался умирающий день. Одно стекло было разбито, и черная пустота смотрела на них, как глазница мертвого черепа. Крыша местами просела, а водосточные трубы давно отвалились и валялись в высокой траве, поросшей крапивой и чертополохом.

Но было в этом здании что-то еще. Что-то, что заставило Джона замереть на секунду дольше, чем нужно. Он не просто выглядел старым. Он выглядел больным. Доски крыльца прогнулись под тяжестью времени, словно живая плоть, не желающая принимать гостей.

– Э-эм... Моника, это действительно тот дом...? – слышал Джон собственный голос, в котором слишком явственно звучало разочарование.

– Ему нужен... ремонт... – Моника открыла дверцу и выбралась наружу, стараясь не смотреть на фасад.

– Немного краски здесь, немного лака там... Будет как новый.

– А не быстрее ли снести его и жить, например, в палатке? – вылез Джон следом, с хрустом разминая затекшую шею.

Моника повернулась к нему, и на секунду в ее глазах мелькнуло что-то от той женщины, которую он знал рань-

ше, – несгибаемой, острой на язык, привыкшей управлять людьми и обстоятельствами.

– Терпение и труд, – произнесла она с таким видом, будто цитировала священное писание.

– Ты уже согласился помочь нам обустроиться, так что отступать некуда. Ты с нами, умник.

– Я помогу, чем смогу, – вздохнул Джон.

– Но я планировал пропустить всего несколько недель учебы, а не лет.

– Пф-ф. Хватит драматизировать, Джон. – Она подошла ближе, и на секунду ему показалось, что сейчас она положит руку ему на плечо, как делала раньше, когда он был маленьким и мир умещался в границах их двора. Но она остановилась в шаге.

– Не относись к этому как к изнурительному труду – думай об этом как о возможности наверстать упущенное с семьей!

Сзади хлопнула дверца. Хлоя вышла из машины, вглядываясь в экран телефона с таким выражением, будто тот оскорбил всех ее предков.

– Какого хрена?! Мой телефон не работает – здесь нет Wi-

Fi! – голос ее звенел от возмущения, и в этом звоне было что-то от того отчаяния, которое она тщательно прятала за злостью.

– Неужели ты хочешь уехать и пропустить все это? – мама приподняла бровь, и в этом жесте читалось столько многолетнего раздражения, что Джону стало не по себе.

– Хлоя, если хочешь, я могу помочь настроить мобильную точку доступа, – предложил он, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально, без намека на ту неловкость, что все еще висела между ними.

Она смотрела на него так, словно он предложил ей что-то непристойное.

– Отвали, Джон! – Ее голос звенел в вечернем воздухе, разрезая тишину леса.

– Ты будешь последним человеком, у которого я попрошу помощь.

– Хлоя! Не разговаривай так с ним! – Моника сделала шаг вперед, и в ее голосе появилась та самая сталь, от которой когда-то разбегались советники директоров.

– Когда кто-то находит время в своем плотном графике, чтобы помочь, следует проявить благодарность. В отличие от

некоторых, Джон заботится об этой семье!

Джон стоял между ними, чувствуя себя неловко. Они теперь всегда так разговаривают друг с другом? Раньше между Моникой и Хлоей были споры, но не такая... звенящая ненависть, которая, казалось, вот-вот перейдет в нечто большее.

– А теперь, Хлоя, помоги нам разгрузить машину, – командовала Моника, и в ее голосе не было места для возражений.

Хлоя фыркнула, закатила глаза и, развернувшись, пошла к дому, даже не оглядываясь. Ее фигура быстро растворилась в темноте покосившегося крыльца, и Джон услышал, как скрипнула половица под ее ногой.

– Ну уж нет, спасибо.

– Эй... – сказал Джон, когда дверь за ней закрылась.

– Все в порядке. Я этим займусь.

Моника провела рукой по лицу, и в этом жесте он увидел женщину, а не железную леди, которой она привыкла быть. Усталую, напуганную, потерявшую больше, чем могла показать.

– Прости, я на минутку.

Она ушла следом за Хлоей, и Джон остался один у багажника. Открыл его, достал первую коробку и в этот момент заметил Эмили. Она стояла у заднего крыла машины, теребя край рукава, и делала вид, что изучает лес, но он видел, как она косится на него.

– Ты все видела и слышала, да?

– Ну... – она наконец подняла глаза, и в них плескалось что-то детское несмотря на то, что перед ним уже была взрослая девушка.

– Немного. Я тут залипла в телефон. А еще... осматривала окрестности.

Джон посмотрел на ее телефон. Экран был темным. Сигнала здесь действительно не было, и она это прекрасно знала.

Она явно знает, что здесь нет никакого сигнала. Должен ли я обличить ее во лжи и заставить чувствовать себя глупо?

Он посмотрел на ее лицо – испуганное, надеющееся, и решил не давить.

– Они часто так спорят? – спросил он, вытаскивая короб-

ки из багажника.

– Что ты подразумеваешь под словом «часто»?

– Например, раз в день?

– О, нет, – качнула она головой, и в этом движении сквозила усталость, слишком взрослая для ее возраста.

– Они ссорятся гораздо чаще.

Джон смотрел на нее внимательнее, замечая то, что раньше ускользало: круги под глазами, слишком худые руки, напряжение в плечах, которое она пыталась скрыть.

– Ты ведь знаешь, что здесь нет связи? – спросил он мягко.

Она замерла на секунду, и на щеках проступил румянец.

– Э-э... Думаю, нет.

– Значит, ты наблюдала за нами издали, как чудачка?

– Нет, не наблюдала! Клянусь! – Ее глаза округлились, и она выглядела такой искренне испуганной, что он едва сдержал улыбку.

– У таких, как ты, есть соответствующее определение. Люди, которые по...

– Ладно, хорошо, я не залипала в телефон! – выпалила она, сдаваясь.

– Мы можем сменить тему?

Джон кивнул, позволяя ей спасти лицо. Она подошла ближе, и теперь он видел, как дрожат ее пальцы.

– Могу я спросить тебя кое о чем? – тихо сказала она.

– Конечно.

– Как думаешь, у тебя будет время пообщаться со мной, пока ты здесь?

Джон посмотрел на нее, на этот старый дом, на уходящую в темноту тропу, и почувствовал, как внутри отпускает что-то, что было зажато долгие месяцы.

– Да, не вижу причин для отказа. Кроме помощи в ремонте дома, у меня никаких планов нет.

Ее лицо озарилось улыбкой – широкой, искренней, той самой, которую он помнил с детства.

– Да! Мы определенно повеселимся вместе! – Она спохватилась, снова пряча глаза.

– То есть... Я имела в виду... ну... Например, если у тебя будет время... и...

– Ха-ха! – рассмеялся Джон, и этот смех вышел легче, чем он ожидал.

– Эй, Эмили, тебе не нужно изображать крутость ради меня. Я уверен, что мы отлично проведем время.

Она все еще мялась, и он решил добить ее окончательно.

– Мы будем красить друг другу ногти на ногах и говорить о мальчиках, хорошо?

Эмили фыркнула, и это звучало так по-детски, что Джон почувствовал укол тепла где-то в груди.

– Ха-ха! Спасибо, Джон.

– Эй, вы двое! – голос Моника разнесся по всей поляне.

– Нам нужно вынести все из машины, пока не стемнело!

Джон обернулся. Она стояла на крыльце, руки на бедрах, и даже в сумерках было видно, как напряжены ее плечи.

– Моника именно такой я ее и запомнил, – усмехнулся Джон.

– И это ее спокойная сторона... – прошептала Эмили.

Они оба давились смешком, и Джон чувствовал на себе тяжелый материнский взгляд, от которого в детстве хотелось спрятаться под одеяло.

– Тогда нам лучше поторопиться, – сказал Джон, беря ближайшую коробку.

– Не хочу видеть ее в гневе.

Внутри дом оказался именно таким, каким выглядел снаружи. Запах сырости, пыли и чего-то еще – старого дерева, возможно, или времени, которое застыло здесь, не желая уходить. Стены пахли плесенью, пол скрипел под ногами, и каждый звук казался неестественно громким в тишине.

Они начали разгружать машину. Моника ушла на кухню, и звук открываемых шкафчиков казался почти домашним, но Джон чувствовал – что-то не так. Что-то изменилось. Воздух в доме был тяжелым, давящим, и он не мог понять, то ли это от сырости, то ли от чего-то другого.

Он поставил коробку в коридоре, вытер лоб и направился на кухню. Моника стояла у окна, и последний свет уходящего дня обрисовывал ее силуэт.

– Я очень ценю твою помощь, Джон, – сказала она, когда он вошел.

– Я так рада, что ты здесь.

Она повернулась к нему, и на секунду он увидел ту женщину, которую знал до всего этого. До смерти отца, до потери компании, до того, как мир решил, что они больше ни на что не годны.

– Смерть твоего отца стала катастрофой, – ее голос был низким, усталым.

– Но потерять компанию, которую мы создали... Это все равно что потерять последние воспоминания о нем.

– Мне жаль, что я не смог помочь раньше, Моника, – сказал Джон, и это была правда. Он был далеко, учился, строил свою жизнь, пока их мир рушился.

– Не волнуйся об этом, дорогой.

– Ну, как ты держишься? – спросил он, прислоняясь к дверному косяку.

Она помолчала, глядя в окно, за которым темнел лес.

– Без твоего отца очень тяжело. – В ее голосе впервые за сегодня он услышал что-то настоящее, незащищенное.

– В последнее время я стараюсь успеть все, и мне постоянно кажется, что я отстаю на шаг.

– Судя по тому, что я сижу здесь, – мягко сказал Джон, – у тебя все получается. Хлое и Эмили повезло, что они могут на тебя положиться.

Моника обернулась, и в ее взгляде мелькнуло что-то теплое, почти нежное.

– Надеюсь, ты тоже знаешь, что можешь на меня положиться. Я и девочки... – она замолчала, подбирая слова.

– Может, мы и не кровные родственники, но мы – твоя семья.

Джон кивнул. Слова застревали в горле, но он все же выдавил:

– Спасибо. Это очень много значит.

Тишина, повисшая между ними, казалась почти целитель-

ной – такой редкой в последние месяцы, что он не решался ее нарушить. Но ее разорвал дикий вопль откуда-то сверху.

– КАКОГО ХРЕНА ЭТО ТАКОЕ?!

Моника вздрогнула, и на секунду в ее глазах мелькнуло что-то, похожее на желание закричать в ответ.

– Боже! – выдохнула она, прижимая руку к груди.

– Что еще там случилось у Хлои?!

Она сделала шаг к выходу, но остановилась. Смотрела на Джона, и в этом взгляде было столько усталости, что ему стало больно.

– Я даже знать не хочу...

Она опустилась на табурет, и он увидел, как дрожат ее руки.

– Она стала так злиться с тех пор, как мы его потеряли...

– голос Моника был тихим, почти шепотом.

– Злится на весь мир, злится на меня за то, что я не могу волшебным образом вернуть его, злится на себя за то, что чувствует себя беспомощной.

Она провела рукой по лицу, и в этом жесте была вся ее усталость, все горе, которое она носила в себе слишком долго.

– Иногда мне просто хочется дать ей пощечину. Попытаться вывести ее из этого состояния... – она подняла на него глаза.

– Но я понимаю ее. Я тоже скучаю по нему.

Джон не знал, что сказать. Слова казались пустыми, ненужными.

– А еще Эмили... – Моника смотрела на него внимательно, и в ее взгляде появилось что-то просящее.

– Не мог бы ты оказать мне услугу и проведать ее? Думаю, ей будет полезно поговорить с кем-то вроде тебя. Ну, знаешь, дружеское лицо.

– Да. Я схожу к ней прямо сейчас.

Комната, которую отвели Эмили, находилась в конце коридора на втором этаже. Джон постучал, прежде чем войти, и услышал тихое «да».

Она сидела на кровати, поджав ноги, и смотрела в окно. За стеклом была только чернота леса и редкие звезды, которые

казались здесь ярче, чем в городе.

– Привет, Эм. Чем занимаешься?

– Да так... – она пожала плечами, не оборачиваясь.

– Просто не привыкла жить в такой глуши, вдалеке от города.

Ее голос звучал отстраненно.

– Такое ощущение, что в лесу кто-то притаился и наблюдает за нами.

Джон прошел в комнату, сел на край кровати.

– Ты привыкнешь... – сказал он, но сам не верил в эти слова. – Кстати, спасибо, что разрешила мне пожить с тобой в твоей комнате, пока я тут с вами. Обещаю, что не займу твою комнату надолго.

Она наконец повернулась, и на ее лице появилась улыбка – теплая и немного неловкая.

– Нет-нет, все хорошо, мне нравится твоя компания!

Джон огляделся. Чемоданы были открыты, но вещи так и

лежали в них – похоже, она не стала ничего распаковывать. Будто ждала, что это место – всего лишь временная остановка, и скоро они поедут дальше.

– Ты уже все распаковала? Как тебе здесь?

Эмили рассмеялась, но в смехе слышалось что-то натянутое.

– Я никогда не была так счастлива! – воскликнула она с наигранным энтузиазмом.

– Я всегда мечтала жить в жутком доме у черта на куличках. И чувствовать, что за мной все время кто-то наблюдает!

– Боже, тебе так повезло! – подыграл Джон.

– Что я могу сказать? – она развела руками.

– Моя жизнь – белая полоса.

Они рассмеялись, но смех быстро угас. Джон смотрел на нее и видел то, что она пыталась спрятать.

– Понятно, – сказал он тихо.

– А как у тебя дела на самом деле?

Она замолчала, теребя край рукава.

– Я.. приспособливаюсь.

– Да, – кивнул Джон.

– Ну, если тебе что-то нужно – я готов помочь.

Эмили подняла глаза, и в них появилось что-то живое, настоящее.

– Ну, есть кое-что, что поможет мне чувствовать себя лучше... – Она сделала паузу, словно собираясь с духом.

– ...Давай завтра прогуляемся по лесу?

Джон улыбнулся, чувствуя, как напряжение, сковавшее плечи, наконец отпускает.

– Конечно. Я уже сто лет по лесу не гулял.

– Тогда договорились!

– Свою жизнь я вверяю в твои руки, Лидер Скаутов, – поклонился он в шутовском реверансе.

Она рассмеялась, и в этом смехе он услышал ту Эмили, которую помнил – живую, немного неуклюжую, но такую настоящую.

Таскать вещи оказалось на удивление утомительно. Все мышцы ныли, и единственное, о чем Джон мог думать, – это горячий душ. Он вышел в коридор, прислушался. В доме было тихо, но из ванной доносилось слабое журчание воды и приглушенное пение.

Кто-то был внутри.

Джон подошел ближе, постучал.

– Кто-нибудь есть?

На секунду пение оборвалось, потом раздался голос – приглушенный, но узнаваемый.

– Да... Кон... Чаю...

– ЧТО?! – переспросил он, не расслышав.

– Д-да... СЕЙЧАС! – голос звучал резко, почти панически.

– Хорошо! Я вхожу!

Джон толкнул дверь, и она подалась с легким скрипом.

Пар клубился, застилая зеркала. На секунду он увидел только силуэт – мокрые волосы, плечи, изгиб спины, а потом осознание обрушилось на него тяжелой волной.

Это была Хлоя.

Она стояла к нему спиной, и в слабом свете лампы каждая капля воды на ее коже казалась почти осязаемой. Джон видел, как она замерла, чувствуя его взгляд, а потом резко обернулась, прикрываясь полотенцем.

– КАКОГО ХРЕНА ТЫ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕШЬ?! Убирайся!

– Прости, Хлоя. Я.. – начал он, но она не дала ему закончить.

– МНЕ ПЛЕВАТЬ! УБИРАЙСЯ НАХРЕН ОТСЮДА, ТЫ, ГРЕБАННЫЙ ИЗВРАЩЕНЕЦ!

Ее голос звенел, срывался на визг, и Джон чувствовал, как внутри поднимается раздражение – смешанное со стыдом и неловкостью.

– Да ладно, ты слишком остро реагируешь, – сказал он и тут же понял, что это была ошибка.

– ЧТО В СЛОВАХ «УБИРАЙСЯ. НАХРЕН. ОТСЮДА» ТЫ НЕ ПОНЯЛ?!

Он сглотнул. Она сжимала полотенце так, что костяшки пальцев белели.

– Дерьмо, – выдохнула она, и в этом слове была не только злость, но и унижение.

– Хлоя, мне жаль. Я не хот...

– Просто уйди, пожалуйста.

Джон закрыл дверь и стоял в коридоре, чувствуя, как лицо горит от стыда.

Молодец, Джон. Глухой идиот.

Он отошел от двери, сжимая кулаки. Слова Хлои все еще звенели в ушах: «извращенец», «убирайся» ...

Да и хер с ним. Посмотрю телик, пока она не закончит.

В гостиной горела только одна лампа, и в ее свете старые обои казались почти новыми. Джон плюхнулся на ди-

ван, включил телевизор, но не смотрел на экран. Мысли путались, накладывались друг на друга, возвращаясь к той сцене в ванной, к крику Хлои, к ее испуганным глазам.

– Привет, Джон. Что смотришь?

Он поднял голову. Моника стояла в дверях, в руке чашка с чаем, и в этом простом домашнем жесте было что-то успокаивающее.

– Честно говоря, не знаю – я просто был в своих мыслях, – признался он.

Она усмехнулась, села рядом. Диван скрипнул под ее весом.

– Шоу настолько интересное, да?

– Ха-ха, – выдавил он.

– Я жду, пока освободится ванная. Хлоя сейчас там.

Он замолчал и тут же понял, что сморозил глупость. Чем это отличается от того, чтобы быть голышом...

– Могу я присоединиться к тебе? – спросила Моника, и в ее голосе звучала усталая просьба.

– Конечно... Но, наверное, я здесь ненадолго.

– О, если ты ждешь Хлою, тебе точно придется подождать,
– она откинулась на спинку дивана и застонала.

– Угх. У меня спина болит от того, что я таскала все это барахло. И так устала.

Она закрыла глаза.

– Чего бы я только не отдала за хороший массаж или день в спа-салоне. – Голос ее звучал мечтательно, но в нем слышалась горечь.

– Боже, как я скучаю по тем временам, когда деньги не были постоянной проблемой...

Она открыла глаза, посмотрела на него виновато.

– Прости, я, наверное, звучу как заезженная пластинка.

– Нет, все нормально, – сказал Джон, и это было правдой. Он понимал ее. Мы все сейчас – заезженные пластинки, которые проигрывают одно и то же: потерю, горе, невозможность вернуться назад.

Моника поднялась, и на секунду ему показалось, что она

хочет что-то сказать, но вместо этого она устало улыбнулась.

– Вообще-то, я передумала и не хочу смотреть телевизор. Что-то я устала больше, чем думала.

Она направилась к выходу, но у двери остановилась.

– Спокойной ночи, Джон. Я пойду спать...

– Спокойной ночи.

– О, и еще кое-что, – она обернулась, и в ее глазах мелькнуло что-то озорное, почти девичье.

– Если хочешь успеть использовать ванную в доме с тремя женщинами – постарайся просыпаться пораньше.

Джон усмехнулся.

– Ха, спасибо за совет.

Она ушла, и он остался один. В доме было тихо, только где-то наверху хлопала дверь и слышались приглушенные шаги.

Прошло уже несколько минут. Пожалуй, я попробую еще раз зайти в ванную...

Но сначала нужно было взять полотенце. Джон зашел в комнату, которую делил с Эмили, и уже потянулся к вешалке, когда услышал за спиной ее испуганный возглас.

– ДЖОН, Я ПЕРЕОДЕВАЮСЬ!

Он замер, и в следующую секунду в его сторону полетела подушка.

– Я... Прости, Эмили! – выпалил он, отступая к двери.

– Я не привык жить в одной комнате с девушкой.

– Просто подожди секунду, хорошо? – голос у нее дрожал, но в нем не было той ярости, что у Хлои.

– Да, да...

Джон закрыл дверь и прислонился к косяку, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

По крайней мере, она не начала вопить, как Хлоя.

– Ладно, теперь ты можешь войти! – позвала она через минуту.

Он открыл дверь и увидел, что она уже в пижаме – длинной, закрытой, и от этого ему стало немного легче.

– Прости... – начал он.

– В следующий раз стучи, ладно?! – она смотрела на него с укоризной, но в глазах уже мелькала понимающая усмешка.

– Я понял, понял... В следующий раз буду стучать.

Она кивнула, села на кровать и жестом пригласила его сесть рядом.

– Ладно, давай поговорим о завтрашнем дне... – Она помолчала.

– Ты готов повеселиться?

– Не знаю, можно ли назвать прогулку в лесу весельем, – усомнился Джон.

– Ну... – она хитро прищурилась.

– Зато в лесу не слышно, как Хлоя кричит, так что...

– Ха! – рассмеялся он.

– Думаю, ты права.

Джон встал, потянулся, чувствуя, как усталость разливается по телу.

– Как бы то ни было, мне пора в душ. Я чувствую себя отвратительно после таскания и распаковки всех этих вещей.

Эмили сморщила нос.

– Да, я чувствую запах даже отсюда.

– Эй! – возмутился он, но она уже смеялась.

– Спокойной ночи, Джон.

– Спокойной ночи, Эмили.

Джон вышел в коридор, и на этот раз ванная была пуста.

Ах, наконец-то...

Горячая вода обжигала кожу, смывая усталость и напряжение этого долгого дня. Джон стоял под душем, закрыв глаза, и позволял мыслям растечься, уйти, раствориться в пару.

Давай сделаем это быстро.

Когда он вышел, пар клубился, застывая зеркало. Он вытерся, натянул штаны и тихонько пробрался обратно в комнату.

В комнате было темно. Эмили уже спала, свернувшись калачиком под одеялом. Джон посмотрел на нее несколько секунд.

Она выглядит такой умиротворенной...

Он лег на свою кровать, но сон не приходил. Глаза слипались, но стоило закрыть их, как перед внутренним взором вставала картина: мокрые волосы Хлои, ее испуганный взгляд, крик «извращенец». Он ворочался с боку на бок, сбивая простыни.

Сколько времени...

Джон проснулся от того, что в горле пересохло. В комнате все еще было темно, но где-то за окном уже начинало сереть.

Зеваю. Мне нужно сходить в туалет, пока остальные не проснулись.

Он тихо встал, вышел в коридор. В доме было тихо, только половицы скрипели под ногами. Дверь в ванную была при-

открыта.

Эм...

Он заглянул внутрь – ванная была пуста. Только зеркало запотело, и на раковине стояла чья-то расческа.

Фух, чуть не попал...

Джон сделал шаг вперед, чтобы включить свет, и в этот момент за спиной раздался резкий голос.

– КАКОГО ЧЕРТА ТЫ ДЕЛАЕШЬ?!

Он обернулся. Хлоя стояла в коридоре, завернутая в халат, и смотрела на него с таким выражением, будто он только что ограбил банк.

– Просто жду, когда освободится ванная, – сказал Джон, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

– Я все видела, извращенец, – прошипела она.

– Слушай, – начал он, чувствуя, как внутри закипает злость.

– Я закрыл дверь, как только увидел, что там кто-то есть.

– Значит, ты просто подглядывал? – ее голос стал ледяным.

– Да что с тобой такое...

– В чем твоя проблема, Хлоя? – сорвался Джон.

– Я ошибся и сразу же закрыл дверь. Все. Конец истории.

– Посмотрим, как на это отреагирует мама, – бросила она, и в ее глазах мелькнуло что-то жестокое.

– Ой, да пошла ты, Хлоя! – выплюнул он, не в силах больше сдерживаться.

– Знаешь что – делай, что хочешь! Мне все равно!

Джон развернулся и ушел, оставляя ее в коридоре. Слышал, как она что-то говорит, но не разбирал слов. В ушах стучала кровь.

Почему она такая стерва по отношению ко мне?

Он спустился на первый этаж. В гостиной никого не было. Джон сел на диван, пытаясь унять дрожь в руках.

Ух... Пойду найду нормальную из сестер...

Он уже собирался подняться обратно, когда услышал голоса сверху. Моника и Хлоя. Джон замер на лестнице, невольно прислушиваясь.

– Сначала я, теперь мама..., и ты даже не можешь ничего объяснить! – голос Хлои звенел, срывался на крик.

– Если ты хоть раз взглянешь на Эм...

– Я уйду! – слышал Джон голос Моника, и в нем была сталь, которую он так хорошо знал.

Потом звук шагов, хлопок двери.

Джон поднялся наверх. Хлоя стояла в коридоре, и когда увидела его, на ее губах кривилась усмешка.

– Извращ... – прошептала она, но в голосе уже не было прежней ярости. Только усталость.

Джон прошел мимо, не глядя на нее, и слышал, как она ушла в свою комнату.

Не могу поверить, что я не смог ничего ей ответить. Теперь я действительно чувствую себя извращенцем...

Утро встретило его серым светом, просачивающимся

сквозь грязные окна. Джон проснулся от того, что Эмили уже не спала. Она стояла у окна, одетая в легкое платье, и смотрела вдаль, на лес, который казался бесконечным.

– Ты пойдешь в лес в таком виде? – спросил Джон, приподнимаясь на локте.

Она обернулась, и на ее лице было недоумение.

– А что не так?

– Ты когда-нибудь слышала о комарах?

– Ты когда-нибудь слышал о спрее против насекомых? – парировала она.

– Не думаю, что они хорошо работают, – вздохнул Джон, вставая с кровати.

– Короче, – отмахнулась она.

– Вчера я нашла тропинку в лесу. Это будет хорошая прогулка для нас.

Джон кивнул, хотя на душе скребли кошки.

– Я подожду внизу.

Когда он спустился в гостиную, Моника уже была на кухне. Она не обернулась, и Джон прошел мимо, не решаясь заговорить. На крыльце он столкнулся с Эмили. На этот раз на ней были джинсы и толстовка.

– Так, ты все же переделалась?

Она пожала плечами, но в глазах мелькнула довольная усмешка.

– Да, наверное, идти в том виде в лес было бы плохой идеей.

Они ушли от дома, углубляясь в лес. Тропинка была узкой, и им приходилось идти друг за другом. Ветви смыкались над головой, и солнечный свет пробивался сквозь них редкими пятнами.

– Боже, – выдохнул Джон, когда солнце поднялось выше и стало ясно, что они идут уже несколько часов. – Когда ты сказала «прогулка», ты действительно имела в виду это.

– Ой, да ладно, – отмахнулась она, не оборачиваясь.

– Посмотри на эту красоту.

– Да, я потрясен красотой этого пейзажа... – пробормотал он, но она не слышала.

Они шли дальше, и Джон начал замечать, что деревья вокруг становятся все гуще, а тропинка – все менее различимой.

– Ты уверена, что знаешь дорогу? – спросил он, когда они наткнулись на очередную развилку.

– Прекрати спрашивать меня об этом! – обернулась она, и в ее голосе слышалось раздражение.

– Я знаю, куда мы идем!

– Ха-ха, полегче! – поднял он руки в примирительном жесте.

– Я просто пытаюсь сказать... мы определенно заблудились.

– Да ладно... – она огляделась, и ее уверенность начала давать трещину.

– Ха-ха. Мы не заблудились!

Через несколько минут ходьбы Джон заметил, что Эмили замолчала. Она шла впереди, опустив голову, и он видел, как напряжены ее плечи.

– Ты о чем-то задумалась? – спросил он.

Она остановилась.

– Я...

Она повернулась к нему, и в ее глазах было что-то, чего он не замечал раньше. Не страх. Не грусть. Что-то более сложное, более тяжелое.

– Спасибо, что вернулся к нам, – тихо сказала Эмили...

– После смерти папы было... тяжело, – продолжала она, не давая ему вставить слово.

– Уверена, у тебя были свои причины для отсутствия, но ты был нам нужен.

Джон открыл рот, чтобы что-то сказать, но она покачала головой.

– Не стоит. Это неважно. Важно лишь то, что ты вернулся, и мы снова можем быть семьей.

Она сделала шаг к нему и положила руку ему на плечо. Ее пальцы были теплыми, и в этом прикосновении было столько

всего, что он не мог подобрать слов.

– Спасибо, Джон, – прошептала она.

Джон смотрел на нее, на эту девушку, которую помнил ребенком, и чувствовал, как внутри что-то сжимается.

– Я люблю тебя, Эмили, – сказал он, и голос его звучал хрипло.

– И даже если меня нет с вами, я всегда на расстоянии телефонного звонка.

Она улыбнулась, и в ее глазах блестели слезы.

– Я тоже тебя люблю. И если говорить о таких тупицах, как ты, то я дам тебе девять баллов из десяти.

– Спасибо, – рассмеялся он.

– А если говорить о таких гидах, как ты, то я ставлю тебе один балл из десяти, потому что мы, блядь, заблудились.

– Ты мудака! – воскликнула она, и смех вырвался из нее – чистый и звонкий.

– Ты такой момент испортил! Ха-ха!

Они смеялись, и на секунду лес вокруг перестал казаться

чужим и враждебным.

Но потом Джон увидел, как ее лицо изменилось. Улыбка сползла, и в глазах появилось что-то другое.

– Я люблю тебя, Джон, – сказала она снова, но теперь в ее голосе не было прежней теплоты.

– Но ты должен знать, что я не останусь с вами.

Джон молчал.

– Я должен вернуться к учебе, – сказал он, чувствуя, как тяжелеет воздух между ними.

– Я буду помогать вам по мере возможности, но ты не можешь ожидать, что я брошу колледж.

Она отвернулась, и когда заговорила, голос ее звучал глухо.

– Пойдем обратно, уже поздно.

– Веди, – сказал Джон, но она уже шла вперед, и он видел, как она кусает губу, чтобы не заплакать.

Они шли в тишине. Эмили не оборачивалась, и Джон не решался заговорить. Лес вокруг становился темнее, и тени

между стволами сгущались.

– Эмили, ты уверена, что это нужная тропинка? – спросил он наконец, когда солнце начало клониться к закату.

– Все в порядке, не паникуй... – бросила она через плечо.

– Вон, тропа расширяется и ведет прямо к дому.

Джон посмотрел вперед. Действительно, деревья расступались, и впереди виднелся просвет.

– Может, мы... – начала она, но не успела закончить.

Звук разорвал тишину. Низкий, гортанный рык, от которого кровь стыла в жилах. Джон не успел понять, откуда он исходит, но тело среагировало раньше разума.

– Что за хрень?! – крикнул он, хватая Эмили за руку.

– Что это было, Джон?! – голос ее срывался на визг.

– Мне страшно! Извини, что я завела нас сюда!

Он смотрел туда, откуда донесся звук. В кустах что-то двигалось. Темное, большое.

– БЕЖИМ! БЕЖИМ, ЭМИЛИ!

Они сорвались с места. Ветки хлестали по лицу, корни путались под ногами, но Джон не чувствовал боли. Он слышал только ее дыхание и тяжелые шаги за спиной.

– О Боже, Джон! ОНО ВСЕ БЛИЖЕ... – кричала Эмили, и в ее голосе был животный ужас.

– БЕГИ И НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ!

Он толкнул ее вперед, сам прикрывая тыл. Ветка под ногами подломилась, и он полетел вниз, ударяясь плечом о землю. Боль пронзила руку, но он пытался подняться.

– Джон! Вставай! Нам нужно бежать!

– Просто продолжай бежать, Эмили! – крикнул он, чувствуя, как в голове взрывается боль.

Джон закрыл глаза, пытаясь удержать равновесие. Мир плыл, но вместе с возвращением сознания он ощутил... чье-то присутствие.

Оно было здесь. Оно смотрело на него.

– Что такое? – голос Эмили долетал словно издалека.

– Пошли уже в дом.

Он открыл глаза и посмотрел в лес. Там, между деревьями, темнел силуэт. Слишком большой для человека. Слишком неправильный.

– Нет, подожди. – Он схватил ее за руку, не давая уйти.

– Ты чувствуешь это? Кто-то наблюдает за нами...

Она смотрела туда, куда он указывал, но он видел, что она ничего не видит.

– Что? Где? – Она вырвала руку, и в ее голосе появилось раздражение.

– Хватит дурачиться!

– Я не дурачусь! – Он снова посмотрел на лес, но силуэт исчез.

– Там! В лесу!

– Ну же, Джон, сейчас не время для шуток! – голос Эмили был твердым, и он понимал, что она ему не верит.

Джон еще раз взгляделся в темноту между стволами.

– Н-но... Ладно...

В доме пахло ужином, и на секунду Джону показалось, что ничего не случилось. Но Моника стояла на кухне, и когда они вошли, ее лицо стало жестким.

– Мама! – воскликнула Эмили, и в ее голосе слышалось нервное возбуждение.

– Ты не поверишь, что с нами только что произошло!

– Что? – Моника вытирала руки о полотенце.

Эмили, пожалуйста, не надо...

– Мы пошли гулять в лес и обнаружили там дикое животное. Ну, во всяком случае, мы его слышали, – тараторила Эмили.

– Джон, вроде как, даже смог его рассмотреть. И тогда...

– ВЫ ЧТО, ОБА С УМА ПОСХОДИЛИ, ОТПРАВЛИВШИЕСЯ ТАК ГЛУБОКО В ЛЕС?! – голос Моника взлетел, и Джон увидел, как дрожат ее руки.

– Чья это была идея?!

Он сделал шаг вперед.

– Это была моя идея, Моника, – сказал он, и на секунду

слово показалось непривычным на языке, но он не стал исправляться.

– Я хотел прогуляться по лесу и за компанию взял с собой Эмили.

Она смотрела на него, и в ее взгляде было разочарование, которое больше любого крика.

– Я разочарована в тебе... – тихо сказала она.

– Ты же должен был догадаться об опасности.

Она отвернулась, и Джон почувствовал, как Эмили коснулась его руки. Она прошептала «спасибо», но он не ответил.

– Убирайтесь с глаз моих, оба, – бросила Моника через плечо.

– Я не хочу видеть вас до завтра.

Они вышли из кухни, и Джон наконец выдохнул.

– Так... – голос Эмили звучал виновато.

– В следующий раз ты сам будешь выбирать то, что мы будем делать.

– Эй, – он старался улыбнуться.

– Я рад, что мы выжили, чтобы рассказать об этом.

- Да, – кивнула она.
- Это отличная история.

В этот момент сверху донесся шум. Хлоя спускалась по лестнице, и Эмили бросилась к ней.

– Боже мой, Хлоя, ты не поверишь, что с нами только что произошло!

– Мне плевать на это, – отрезала Хлоя, даже не глядя на нее.

– И у меня нет времени на твои глупые истории.

Она прошла мимо, и Джон слышал, как скрипят ступени под ее ногами.

– Если мама спросит, где я – ты меня не видела, – сказала она, не оборачиваясь.

Эмили смотрела ей вслед, и Джон услышал, как она шепчет:

– Лучше бы я действительно тебя не видела...

Ночь накрыла дом тяжелым одеялом. Джон лежал в тем-

ноте, прислушиваясь к звукам.

Что же там произошло?

Перед глазами все еще стоял тот силуэт. Слишком большой, слишком неправильный.

Мне показалось, что существо последовало за нами сюда.

Он закрыл глаза, пытаясь убедить себя, что это просто усталость, игра воображения.

Боже... Может, я просто устал и мне все померещилось...

Но в этот момент за окном раздался звук. Он резко открыл глаза.

Тихое, едва различимое шуршание. Будто кто-то ходил по траве.

Что это, блядь, было?

Джон повернул голову.

Кровать Эмили была пуста.

Он сел, прислушиваясь. Звук доносился снизу – тихий, настойчивый.

Джон вышел в коридор и спустился вниз. Свет на кухне не горел, но он увидел ее силуэт у окна.

– Эм? – позвал он тихо.

– Что ты делаешь?

Она не оборачивалась.

– Я... Я видела, как кто-то стоял снаружи.

Джон подошел к окну, вглядываясь в темноту.

– Где? Дай посмотреть.

Она указала пальцем в черноту.

– Там...

Он смотрел туда, но видел только деревья и черное небо.

– Я ничего не вижу.

Эмили молчала несколько секунд. Когда она заговорила,

голос ее звучал странно – отстраненно, будто она была не здесь.

– Я думаю... Он хочет войти.

– Что? – Джон смотрел на нее, пытаясь понять, шутит она или нет.

– Ему нужно войти, Джон, – сказала она, и в ее голосе появилось что-то новое. Что-то, чего он раньше не слышал.

– Там никого нет, – сказал он твердо.

– А если бы и был, мы бы его не пустили.

Она медленно повернулась к нему. В слабом свете луны ее глаза казались слишком большими, слишком темными.

– Он голоден, Джон.

– А?

Он хотел сказать что-то еще, но слова застряли в горле. Тело перестало слушаться. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Стоял как вкопанный, глядя в ее глаза, и чувствовал, как внутри разрастается холод.

А потом он услышал голос.

Он был не снаружи. Он был внутри. В его голове.

– Gur atha morgul, zil banak tu...

Шепот, древний и чужой.

– Tal durn, ash kor eth... Gar thul!

Джон пытался крикнуть, но не мог открыть рот. Мир плыл, темнел, и последнее, что он видел, – лицо Эмили, освещенное луной, и ее странную, чужую улыбку.

Глава 2: Голод

Ночь. Дом затихает, но мысли Хлои не дают ей покоя.

Она сидит на краю кровати, опустив голову. В комнате темно, только бледный лунный свет пробивается сквозь грязное окно, ложась на пол неровными прямоугольниками. Бутылка, которую она принесла с собой, почти пуста. Она подносит ее к губам, делает последний глоток и морщится.

– Бля... – шепчет она, прислушиваясь к тишине коридора.

– Надеюсь, меня никто не слышал...

Она ставит бутылку на пол и откидывается на подушки. Голова кружится, и она закрывает глаза, пытаясь унять тошноту.

– Угх... Надо было остановиться на седьмом шоте.

Она шевелит пальцами ног, и боль простреливает от ступней к икрам. Каблуки, которые она носила вчера, до сих пор напоминают о себе.

– Грёбаные каблуки... Грёбаные ноги на каблуках...

Она шарит рукой по кровати, пытаясь нащупать телефон, но пальцы натываются только на смятую простыню.

– Где, блядь, мой телефон...

Она открывает глаза, оглядывается. Комната чужая, незнакомая. Мебель расставлена иначе, чем в их старом доме. Потолок ниже. Пахнет сыростью и старой древесиной.

– Какая... – она икает, прижимая ладонь ко рту.

– Гребаная комната в этой дыре – моя?

Она с трудом поднимается, держась за стену, и выходит в коридор. Ноги не слушаются, пол качается под ногами, но она идет вперед, к лестнице.

Внизу темно. Только слабый свет из кухни падает на половицы. Она спускается, переступая через ступеньки, и замирает.

В гостиной, на полу, лежит Джон.

Она щурится, пытаясь сфокусировать взгляд. Его тело неестественно вытянуто, руки раскинуты в стороны, глаза открыты, но он не двигается.

– Джон? – голос ее звучит хрипло, и она кашляет, прочищая горло.

– Что ты делаешь на полу?

Он не отвечает.

Она делает шаг вперед, потом еще один. Подходит ближе, наклоняется.

– Джон?

В этот момент его глаза дергаются. Зрачки расширяются, и в их глубине она видит что-то темное, бездонное. А потом он резко садится, и она отшатывается, вскрикивая.

– Какого хрена?! – выдыхает он, и голос его звучит чужим, низким, будто не его.

Хлоя делает шаг назад, но не может отвести взгляд. Над плечом Джона, в воздухе, она видит... что-то. Тень, которая не отбрасывает тени. Сгусток тьмы, пульсирующий в такт его дыханию.

Голос приходит ниоткуда. Гулкий, древний. Он заполняет комнату, впитывается в стены, проникает под кожу.

– Подчинись... – шепчет тьма, и Хлое кажется, что земля уходит из-под ног.

– К-кто это сказал?! – Джон оглядывается, и в его голосе слышится паника.

– Должен... Питаться... – голос становится громче, и Хлоя чувствует, как воздух вокруг сгущается, становится тяжелым, вязким.

– Это не смешно...! – Джон пытается встать, но ноги не слушаются. Он падает на колени, и Хлоя видит, как его руки дрожат.

– Джон? – шепчет она, и голос ее срывается.

– Что происходит?

Она оглядывается, но комната та же. Та же облупившаяся краска на стенах, те же темные окна. Но что-то изменилось. Воздух стал другим. Плотным. Живым.

– Где мы? – спрашивает она, и голос ее звучит тонко, по-детски.

Джон не отвечает. Он стоит на коленях, уставившись в од-

ну точку, и его лицо белее мела.

– Джон? Мне страшно... – Хлоя делает шаг к нему, протягивает руку.

– Ты слышишь?

Он поднимает глаза, и в его взгляде она видит отражение той же тьмы, что клубится у него за спиной.

– Что происходит?! – кричит она, и голос срывается на визг.

– Сделай что-нибудь!

Тень разрастается, заполняя комнату. Из нее рождается голос – близкий, почти интимный.

– Используй ее... Для своего удовольствия.

Хлоя замирает. Она смотрит на Джона, и в его глазах мелькает ужас.

– Что? Нет! – кричит он, и в его голосе слышится отвращение.

– Какого хера?!

Он поднимается на ноги, шатаясь.

– О чем ты вообще меня просишь? Я не буду этого делать!

Тьма пульсирует, и голос становится жестче.

– Тогда она будет страдать.

Хлоя чувствует, как что-то сжимает горло. Она хватается за шею, пытаясь вдохнуть, но воздух не проходит. Легкие горят, в глазах темнеет.

– Джон... – выдыхает она, и это единственное слово стоит ей нечеловеческих усилий.

Он смотрит на нее, и она видит, как он борется с собой.

– Я не буду этого делать, Хлоя! – кричит он, но голос его ломается.

– ...Возьми ее.

Хлоя падает на колени. Воздух возвращается в легкие рывком, и она жадно глотает его, давясь и кашляя. А потом она чувствует, как тело перестает ей подчиняться. Руки двигаются сами, ноги поднимают ее с пола, и она идет к Джону, не в силах остановиться.

– Он причинит нам боль, Джон, – говорит она, и ее собственный голос кажется чужим, далеким.

– Мы должны его послушаться.

Она останавливается перед ним. Ее рука поднимается и ложится ему на грудь. Пальцы дрожат, но не слушаются.

Я не могу... Думать... Ясно. Я не могу так поступить с Хлоей...

– Все... в порядке, – шепчет она, и в ее глазах стоят слезы.

Тьма за их спиной пульсирует, и голос звучит почти удивительно.

– ...Да.

Его рука поднимается. Медленно, будто преодолевая невидимое сопротивление. Она ложится на ее бок, скользит выше, к груди, и Хлоя закрывает глаза, чувствуя, как по щекам текут слезы.

– НЕТ! – Джон отдергивает руку, отступает на шаг, и его лицо искажается отвращением.

– Это неправильно!

Тьма взрывается гневом.

– ...Жалкий.

Джон смотрит на Хлою, и в его глазах – боль.

– Прости, Хлоя, – говорит он, и голос его ломается.

– Но я не могу так поступить с тобой.

Хлоя открывает глаза. В ее взгляде – страх, но также и что-то еще. Что-то, похожее на надежду.

Тьма вокруг них сгущается, и голос гремит, сотрясая стены.

– ТОГДА ВЫ ОБА БУДЕТЕ СТРАДАТЬ!

Хлоя чувствует, как тело пронзает боль. Острая, невыносимая, будто каждая клетка горит заживо. Она падает на пол, скручиваясь, и крик разрывает ей горло.

– Джон! – кричит она, и голос ее срывается.

– Агх! Больно!

Она катается по полу, не в силах остановиться, и сквозь

пелену слез видит, как он тянется к ней, но не может сделать и шага.

– Помоги мне, пожалуйста! – кричит она, и в голосе ее только животный ужас.

– Почему ты не хочешь мне помочь?! Агх!

А потом темнота поглощает ее.

—

– Доброе утро, дурачок!

Голос врывается в сознание, яркий и звонкий, и я открываю глаза. Эмили стоит надо мной, улыбаясь, и в ее руке – стакан воды.

– Давай, Джон, вставай. Мама тебя ждет.

Я моргаю, пытаюсь сообразить, где я. В комнате светло, солнце бьет в окно, и пылинки танцуют в его лучах.

– М-м-м-м.. – мычу я, приподнимаясь на локте.

– Джон...? – голос Эмили меняется, становится осторожным.

– Агх...! Что? – Я сажусь, и голова взрывается болью.

– Ты жив, это хорошо, – она смеется, но в смехе слышится облегчение.

– А то я уже собиралась смотреть на YouTube видео, как делать искусственное дыхание!

Она протягивает мне стакан, и я беру его дрожащими руками.

– Ладно, пора вставать, мама ждет тебя на кухне, – говорит она, и в ее голосе слышится нетерпение.

– Ладно, спасибо, что разбудила меня... – бормочу я, делая глоток.

Она выходит, и я остаюсь один.

Моя голова... раскалывается.

Я закрываю глаза, пытаюсь вспомнить, что было ночью. Обрывки. Тьма. Голос. Хлюя, кричащая от боли.

Сон. Это был просто сон.

Я открываю глаза и смотрю на дверь, в которую только что вышла Эмили. Утренний свет обрисовывает ее фигуру, и я замечаю, как изменилось ее тело за те годы, что я ее не видел. Тонкая талия, округлые бедра...

Должен сказать, что тело Эмили сильно изменилось с тех пор, как я видел ее в последний раз.

– Скоро это тело будет твоим.

Голос возникает из ниоткуда – гулкий, низкий, он врзается в сознание, и я подсакиваю на кровати.

– КАКОГО ХРЕНА?! – кричу я, оглядываясь.

В комнате никого. Только пыль в солнечных лучах и моя перекошенная физиономия в зеркале на стене.

– А? – Эмили заглядывает в дверь, и на ее лице недоумение. – Что случилось?

– Ничего... – я провожу рукой по лицу, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. – Я просто увидел кое-что...

Она смотрит на меня с тревогой, но не спрашивает.

– Поторопись, мама ждет тебя, и мне тоже нужна ее помощь, – говорит она и исчезает в коридоре.

Я натягиваю джинсы, футболку, пытаюсь унять дрожь в руках.

– Ты куда-то собралась? – спрашиваю я, выходя в коридор.

Эмили уже стоит у лестницы, в руке – сумка, и она нервно теревит лямку.

– Я подаю документы в университет, – говорит она, и в голосе ее слышится напряжение.

– А поскольку у меня нет водительских прав, мне нужно, чтобы мама довезла меня до автобусной остановки.

Она смотрит на меня, и в ее взгляде – просьба.

– Так что, пожалуйста, поторопись, потому что она никуда не поедет, пока не поговорит с тобой.

Я киваю, спускаясь по лестнице.

– Не поздновато ли подавать документы в университет? – спрашиваю я.

– Поздновато, но мама знает декана, – пожимает она плечами.

– Если я произведу хорошее впечатление, они рассмотрят возможность позднего зачисления.

Мы выходим на крыльцо, и я щурюсь от яркого солнца.

– Если только ты не мечтаешь стать рейнджером в лесу, – усмехаюсь я.

– Ой, заткнись лучше, ха-ха! – она толкает меня в плечо, и в этом жесте – столько привычной, родной непринужденности, что я чувствую укол тепла.

– К твоему сведению, я хочу специализироваться на фотографии.

– О, серьезно? – я поднимаю бровь.

– Думаю, я понимаю основы композиции, но мне бы хотелось узнать об этом побольше, – она улыбается, и в этой улыбке надежда, которую я не хочу разрушать.

А потом боль возвращается.

Она возникает из ниоткуда, острая, как игла, вонзенная

между глаз. Я хватаюсь за перила, и мир перед глазами плывет.

– Агх...! Черт побери! – вырывается у меня.

– Джон? – Эмили смотрит на меня с тревогой.

– Я пойду. Не забудь, что мама хочет с тобой поговорить.

– Да, да... – выдыхаю я, пытаюсь унять пульсацию в висках.

Она уже поворачивается, чтобы уйти, но я хватаю ее за руку.

– Эй, Эм...

Она оборачивается.

– Что ты видела из окна прошлой ночью?

Она смотрит на меня, и в ее взгляде – недоумение.

– Что ты имеешь в виду...?

– Ты сказала, что там кто-то был и хотел войти... – говорю

я, и голос мой звучит хрипло.

Она молчит несколько секунд, и я вижу, как она пытается вспомнить.

– Эм-м-м.. – она качает головой.

– Я спала всю ночь...

Я что... схожу с ума?

– Джон? – она смотрит на меня, и в ее глазах беспокойство.

– Да, прости... – я отпускаю ее руку, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

– Не бери в голову. Думаю, мне просто приснился очень яркий сон.

Она кивает, но в ее взгляде остается тревога.

– Ладно... Иди лучше завтракай. – она направляется к машине.

– И не веди себя так странно, пожалуйста.

Эмили уходит, а я накидываю на себя одежду и направляюсь на кухню.

Боже, да на ней же почти ничего нет. Я не могу отвести от нее взгляд...

Я трясую головой, отгоняя наваждение.

—

На кухне пахнет беконом и свежим кофе. Моника стоит у плиты, и когда я вхожу, она оборачивается с улыбкой.

– Так, так... Смотрите, кто наконец-то проснулся!

– Я и не знал, что у меня есть расписание, – усмехаюсь я, садясь за стол.

– Голоден? – спрашивает она, и в ее голосе слышится забота, от которой становится тепло.

– Умираю с голоду.

– Хорошо, потому что я приготовила много еды.

Она ставит передо мной тарелку, и я смотрю на аппетитную горку яичницы с беконом, свежие овощи, тосты.

– И еще, насчет вчерашнего... – она садится напротив, и в ее голосе появляется что-то виноватое.

– Я рада, что вы оба в безопасности и что ты не позволил ничему случиться с Эмили. Просто...

Она замолкает, подбирая слова.

– После твоего отца... – голос ее дрожит.

– Я просто не могу потерять кого-то еще. Ты понимаешь?

Я киваю, но она продолжает, будто боясь, что я не пойму.

– Я стала немного чувствительнее, чем раньше. – Она опускает глаза.

– Прости меня за вчерашнее.

Она поднимает взгляд, и в ее глазах – боль, которую она носит в себе так долго.

– Ты же простишь меня, милый?

Я смотрю на нее. Она сидит напротив, усталая, но улыбающаяся. Ее волосы убраны в небрежный пучок, и несколько прядей выбились, обрамляя лицо. Она готовит мне завтрак, просит прощения, и в ее голосе – столько материнской заботы, что я чувствую, как внутри закипает что-то темное,

непрощенное.

Я хочу простить ее, но в то же время хочу высказать свое мнение.

Она улыбается, и я вижу, как в уголках ее глаз собрались морщинки – новые, которых я раньше не замечал.

Она улыбается, готовит мне завтрак, а я ничего не могу придумать...

Я сжимаю вилку, чувствуя, как пальцы немеют.

...Как будто я собираюсь сорваться на нее.

Я делаю глубокий вдох.

Остынь, псих.

– Я понимаю, Моника. Я бы сделал то же самое.

Ее лицо озаряется улыбкой. Она встает, подходит ко мне и обнимает, прижимая к груди.

– Иди сюда, дорогой. Обними старушку.

Я утыкаюсь лицом в ее плечо, и запах ее духов – сладкая ваниль, ударяет в голову.

Она такая нежная... А ее запах... Невероятно сладкий.

Я закрываю глаза, чувствуя, как тело расслабляется.

Если бы я мог попроб...

Я отстраняюсь, и только тогда понимаю, что головная боль, мучившая меня с утра, исчезла.

– Спасибо за помощь, дорогой, – говорит Моника, садясь на свое место.

– Хорошо, когда в доме снова есть мужчина.

Я открываю рот, чтобы ответить, но в этот момент сверху раздается крик.

– МАМА! Ты видела мои босоножки?!

Я вздрагиваю. Моника закатывает глаза.

– Клянусь, однажды... – бормочет она, поднимаясь.

– Джон, не мог бы ты оказать мне услугу и разбудить Хлою, пока я буду искать ее босоножки?

– Можно я сначала поем? – спрашиваю я, кивая на тарелку.

Она смотрит на меня. Взгляд тяжелый, требовательный.

– Ладно, ладно... – я встаю, чувствуя, как внутри поднимается раздражение.

– Успокойся, уже иду, Моника.

Я уже направляюсь к выходу, когда что-то во мне щелкает. Я оборачиваюсь.

– Я не собираюсь ходить по тонкому льду, пока нахожусь здесь, – говорю я, и голос мой звучит резче, чем я планировал.

– Я приехал, чтобы помочь, а не для того, чтобы на меня орали!

Ее лицо меняется. Глаза сужаются, и в них загорается знакомый огонь.

– КАК ТЫ СМЕЕШЬ?! – голос ее взлетает, и я вижу ту самую Моника, перед которой трепетали советники директоров.

– НЕ ПОВЫШАЙ НА МЕНЯ ГОЛОС, ПАРЕНЬ!

Я чувствую, как внутри поднимается что-то темное. Горячее. Неудержимое.

– Да... Прими... Свой гнев... – шепчет голос на грани слышимости.

Это несправедливо, – думаю я.

– Что мне угрожают после того, как я приехал сюда, чтобы помочь им.

– Эй...?! – Моника смотрит на меня, и в ее глазах мелькает что-то, похожее на испуг.

– Ты вообще меня слушаешь?!

Подожди... Что происходит?

– Я сказала, ты все понял, Джон? – спрашивает она, и в голосе ее уже нет прежней уверенности.

– Эм... – я моргаю, пытаюсь собраться с мыслями.

– Да. Я понимаю. Прости, я слишком бурно отреагировал.

Она открывает рот, чтобы ответить, но в этот момент в кухню влетает Эмили.

– МАМА! Ты не знаешь, где мои босоножки? Я не могу их найти!

Моника замирает. Смотрит на меня, потом на Эмили.

– А? О...

Она проводит рукой по лицу, и я вижу, как ее плечи опускаются.

– Джон, прости, – говорит она, и в голосе ее искреннее сожаление.

– Я не знаю, что на меня нашло...

Она смотрит на меня, и в ее взгляде – усталость, которую я знаю слишком хорошо.

– Можешь разбудить Хлою, пока я помогаю Эмили?

– Конечно... – говорю я, чувствуя, как гнев уходит, оставляя после себя пустоту.

Я выхожу в коридор и останавливаюсь.

Почему я так накричал на нее...? Что со мной...

Я поднимаюсь по лестнице. Мои ноги движутся сами, а мысли путаются, накладываясь друг на друга. Я останавливаюсь перед дверью Хлои, поднимаю руку, чтобы постучать, и замираю.

Последние несколько дней ты с ней не особо то и ладил...

Я сжимаю кулак.

Не, к черту все это – буду настороже. Она наверняка опять там голая...

– Хлоя! – кричу я, стуча в дверь.

– Моника сказала мне разбудить тебя к завтраку!

Тишина.

– Хлоя? – я стучу громче.

– Ты меня слышишь? Э-эй?

Из-за двери доносится слабый стон.

– Угх... Моя голова...

– ХЛОЯ! – я толкаю дверь, и она поддается.

Она лежит на кровати, скрутившись в неестественной позе, и лицо ее бледнее простыни.

– Да слышу я тебя! – кричит она, не открывая глаз.

– Прекрати уже орать! Спустишь через несколько минут!

Я стою в дверях, глядя на нее. Вчерашняя злость кажется теперь такой далекой, ненастоящей.

Ух, блядь, – думает она, и я слышу ее мысли так ясно, будто она говорит вслух.

– Меня будто бейсбольной битой ударили.

Я закрываю дверь и спускаюсь вниз.

– Хлоя сказала, что скоро спустится, – докладываю я, садясь за стол.

Моника ставит передо мной тарелку.

– Не думаю, что она достаточно ценит тебя... – вздыхает она.

– Пожалуйста, садись, милый.

– Спасибо, – я беру вилку.

– Эта еда намного лучше, чем хреновая еда в кампусе.

– Следи за языком, – она садится напротив, но в голосе ее нет прежней строгости.

Мы едим в тишине, и эта тишина кажется почти целительной.

– Сегодня мне нужно посетить несколько магазинов, – говорит Моника, отставляя чашку.

– И мне быгодились твои мускулы...

Я поднимаю голову.

– Я не против ручного труда, Моника, – говорю я осторожно.

– Но не заставляй меня ходить с тобой по магазинам...

Она усмехается, и в этой усмешке – столько материнского лукавства, что я понимаю: выбора у меня нет.

– Мне нужны твои мускулы, милый, – говорит она.

– В зависимости от того, что я куплю, мне понадобится твоя помощь, чтобы донести это до машины.

Она смотрит на меня, и в ее взгляде – обещание, которое не сулит ничего хорошего.

– Поверь мне, мы вернемся раньше, чем ты успеешь это осознать...

– Почему мне кажется, что это одна из тех ситуаций, когда у меня нет выбора...? – вздыхаю я.

– Потому что у тебя его и нет, – улыбается она.

В этот момент на лестнице раздаются тяжелые шаги. Хлоя спускается, держась за перила, и ее лицо все еще бледное.

– Боже мой... – Моника всплескивает руками.

– Нас осчастливила своим присутствием Хлоя! Присоединяйся к нам, милая.

– Мама, пожалуйста, не так громко... – Хлоя морщится, прижимая ладонь ко лбу.

Моника принохивается, и ее лицо темнеет.

– Ты что, опять напилась...?!

– Нет... – вяло отмахивается Хлоя.

– Я чувствую запах отсюда.

Хлоя опускается на стул, и я вижу, как дрожат ее руки.

– И? – бросает она, и в ее голосе слышится вызов. – Мне уже не шестнадцать, мама.

Она поднимает глаза, и в них не та же злость, что и вчера, но под ними – что-то другое. Боль. Страх.

– И еще, я никогда не видела, чтобы ты отказывалась от бокала вина...

Моника смотрит на нее. Долго. Пристально.

– Правда? – голос ее становится тихим, и это страшнее любого крика.

– Значит, ты уже взрослая, да?

Она встает из-за стола, и я чувствую, как воздух в комнате сгущается.

– Тогда у тебя есть неделя, чтобы найти работу!

Хлоя открывает рот, но Моника не дает ей сказать ни слова.

– А если не сможешь этого сделать, то можешь искать себе другое место жительства.

Она наклоняется к Хлое, и в ее голосе – сталь, которую я знаю слишком хорошо.

– Я понятно объясняю, мисс мне-уже-не-шестнадцать?

Хлоя сжимает край стола, и ее пальцы белеют.

– Мама, ты не можешь так поступить... – голос ее дрожит.

– Это несправедливо...

– Жизнь несправедлива, милая, – голос Моники звучит ровно, но в нем нет жестокости. Только усталость.

– И, если бы ты действительно была взрослой, ты бы это знала.

Я смотрю на Хлою. Ее лицо бледно, под глазами темные круги, и в этот момент она кажется не старшей сестрой, которая пытается меня унижить, а просто испуганной девушкой, которая потеряла отца и не знает, как жить дальше.

– Хлоя уже ищет работу, – говорю я.

Моника поворачивается ко мне.

– Правда?

– Да, – киваю я, чувствуя на себе взгляд Хлои.

– Она сказала мне об этом только вчера. Правда, Хлоя?

Она смотрит на меня, и в ее глазах мелькает удивление, смешанное с облегчением.

– Эм... Да.

– Но это может занять некоторое время, – добавляю я.

– Я не думаю, что она сможет найти ее за неделю...

Моника смотрит на Хлою, потом на меня. Ее лицо смягчается.

– Хм. Может, ты и прав...

– Ты хуже всех! – шипит Хлоя, но в ее голосе нет злости.

По крайней мере, здесь никогда не бывает скучно.

Я тянусь к тосту, и в этот момент Моника смотрит на меня.

– Джон?

Я поднимаю глаза, и воздух вокруг нее начинает дрожать. Или мне только кажется?

– Ты хочешь войти в меня? – голос приходит из ниоткуда, и я вижу, как губы Моники шевелятся, но слова не совпадают с движением.

– Что... – начинаю я.

Боль взрывается в голове. Острая, невыносимая.

– Агх...! Моя голова!

Я хватаюсь за край стола, чувствуя, как мир плывет перед глазами.

– Джон? – голос Моники доносится издалека.

– Я.. – выдыхаю я, поднимаясь.

– Сейчас вернусь...

Я выхожу из кухни, не видя дороги. Ноги несут меня в ванную, и я закрываю за собой дверь, прислоняясь к стене.

Я схожу с ума.

Сердце колотится где-то в горле, и я чувствую, как пот стекает по спине.

Нет, в прошедшем времени. Я уже сошел с ума...

– Джон? – голос Моники за дверью.

– Можно войти? Я волнуюсь за тебя.

Я делаю глубокий вдох.

– Не стоит, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Я в порядке – мне... что-то попало в глаз.

Я слышу, как она вздыхает.

– Дай мне минутку, – добавляю я.

– А потом мы поедем по магазинам, хорошо?

– Как скажешь... – голос ее звучит встревоженно, но она уходит.

—

Мы высаживаем Эмили на автобусной остановке. Она машет нам рукой, и я вижу, как ее фигура становится все меньше в зеркале заднего вида.

Мы едем в тишине. Моника ведет машину, и я смотрю на мелькающие за окном деревья.

– Скажи честно, – говорю я наконец.

– Речь ведь не шла о моих мускулах. Так почему же я здесь?

Она молчит несколько секунд.

– Я.. – она сжимает руль, и я вижу, как напряжены ее пальцы.

– Подумала, что было бы неплохо наверстать упущенное. Я скучала по тебе.

Я смотрю на нее. На ее профиль, на морщинки в уголках глаз, на пряди волос, выбившиеся из прически.

– Я тоже по тебе скучал, Моника.

Мы паркуемся у торгового центра, и я выхожу из машины, щурясь от яркого солнца.

– Ну, как тебе новая работа? – спрашиваю я, когда мы идем ко входу.

– Начальная зарплата «просто хорошая», – усмехается она.

– Но с моим опытом я уверена, что смогу занять руководящую должность в течение нескольких месяцев.

– Ха, – я улыбаюсь.

– Они не знают еще, кого наняли!

Она смеется, и в этом смехе я слышу ту Монику, которую помню – сильную, уверенную, несгибаемую.

– Могу я тебя кое о чем спросить? – говорю я, когда мы входим в холл.

Она смотрит на меня, и я вижу, как ее лицо меняется.

– Ты хочешь знать, что случилось с нашей компанией?

– Если это не подходящее время... – начинаю я, но она качает головой.

– Нет, все в порядке.

Мы садимся на скамейку у фонтана. Вода журчит, и брызги долетают до лица, освежая.

– Правда в том, что я до сих пор сама не уверена, – говорит Моника, и в голосе ее появляется что-то тяжелое.

– В один прекрасный день мы показывали рекордную прибыль за квартал, а на следующий твой отец продает большую часть своих акций, контрольный пакет в компании.

Она смотрит на воду, и я вижу, как дрожат ее руки.

– Я слишком поздно узнала, что все деньги были отданы на благотворительность.

– Почему он так поступил? – спрашиваю я.

– В этом нет никакого смысла...

– У нас не было времени выяснить это, – голос ее становится тише.

– Торговая комиссия угрожала расследованием, когда твоего отца... нашли.

Она замолкает, и я вижу, как она сглатывает.

– Патологоанатомы не обнаружили в его организме токсинов и заявили, что он умер по естественным причинам...

Она поднимает глаза, и в них – гнев, который она носила в себе слишком долго.

– ...В это я отказываюсь верить. Он был в лучшей форме, чем люди вдвое моложе его.

– ...Я тоже так думаю, – говорю я.

– Что касается компании... – она снова смотрит на воду.

– Как только твой отец продал контрольный пакет акций, меня исключили из совета директоров. Незамедлительно.

Она усмехается, но в усмешке этой нет веселья.

– После этого совет директоров начал «фазу реструктуризации», и моя должность была сокращена. Я покинула свой пост в течение недели.

– Как они могут просто вышвырнуть тебя? – вырывается у меня.

Она смотрит на меня, и в ее взгляде – спокойствие, которое страшнее слез.

– Потому что это просто бизнес, дорогой.

– Это кажется неправильным...

– Они всегда так говорят – «Это просто бизнес», голос ее становится жестче.

– Всегда есть кто-то, кто хочет получить больше денег или власти.

Она сжимает руки, и я вижу, как побелели костяшки.

– И когда они берут твое детище... И продают ее за немного больше денег и немного больше власти – у них все еще хватает наглости посмотреть тебе в глаза, пожать руку и сказать: «Это бизнес».

Я молчу, не знаю, что сказать.

– Прости... – говорю я наконец.

Она качает головой.

– Все в порядке. Зато это дает мне больше времени на вас троих.

Она поворачивается ко мне, и в ее глазах появляется тепло.

– Ты и девочки – моя сила, ты же знаешь... – она улыбается.

– Мы всегда были сильными, а с тобой нас не остановить.

Боже... Она, наверное, самая сильная женщина, которую я когда-либо знал.

– Надеюсь, ты готов таскать сумки, – улыбается она, вставая.

– Потому что мы собираемся пробыть здесь некоторое время.

– Это так необходимо... – вздыхаю я, поднимаясь следом.

– Ты что-то слышал, дорогой? – спрашивает она, уже направляясь к магазинам.

– Без понятия...

– Не дуйся, – бросает она через плечо.

– Будет весело, обещаю.

Торговый центр оказывается огромным. Три этажа, десятки магазинов, и Моника, кажется, намерена обойти каждый.

– Ого, этот торговый центр просто огромен, – говорю я, оглядываясь по сторонам.

– И мы собираемся исследовать каждый его метр! – провозглашает она, и я чувствую, как внутри замирает надежда.

– ...Или я могу просто подождать в машине.

– Что за чушь, – она хватается меня за руку и тащит за собой.

– Иди за мной.

– Кто-нибудь говорил тебе, что ты властная? – спрашиваю я, едва поспевая за ней.

– Нет. Никогда.

– Кто-нибудь называл тебя лгуньей?

Она оборачивается, и в ее глазах мелькает что-то опасное.

– Никто из тех, кто жив...

Она скрывается в бутике, и я ныряю следом.

– Разве это не чудесно? – спрашивает она, рассматривая платье на вешалке.

Я смотрю на нее. Она оживлена, глаза блестят, и на несколько секунд я забываю, что она пережила.

– Ха-ха, ты выглядишь счастливой, – говорю я.

– А почему бы и нет? – она поворачивается ко мне, и в ее улыбке столько жизни, что у меня перехватывает дыхание.

– Я провожу время со своим любимым мужчиной.

Она подходит ближе, и я чувствую запах ее духов.

– Без девочек, наконец-то у нас есть минутка покоя...

Я открываю рот, чтобы ответить, но в этот момент за спиной раздается голос.

– Моника?

Моника вздрагивает. Она оборачивается, и я вижу, как ее лицо меняется.

– А?

Из-за стеллажа выходит женщина. Высокая, с идеальной укладкой и безупречным макияжем. Она улыбается, но в

улыбке этой есть что-то хищное.

– Меган! – голос Моники звучит натянуто.

– Какой... Сюрприз!

– Я так рада тебя видеть! – восклицает Меган, подходя ближе.

– Вау, ты выглядишь великолепно!

Черт. Если у нее есть такие подруги, мне нужно почаще с ней проводить время...

– Ох, это просто... – Моника нервно поправляет волосы.

– Так мило с твоей стороны, Меган...

Меган переводит взгляд на меня, и я чувствую, как ее глаза скользят по моей фигуре, оценивающе.

– А кто этот красивый молодой человек?

– ...Это Джон, – голос Моники становится тверже.

– Он вернулся из колледжа, чтобы помочь нам с переездом.

– Приятно познакомиться, Меган, – говорю я, протягивая руку.

Она пожимает ее, и ее пальцы – холодные, сухие.

– Раз уж мы все здесь, – говорит она, не отпуская мою руку.

– Почему бы нам не пройтись по магазинам вместе? А потом перекусим где-нибудь?

– Вообще-то, мы как раз собирались уходить, – быстро говорит Моника.

– Но мы только что приш... – начинаю я.

Моника наклоняется ко мне, и я чувствую, как ее пальцы впиваются в мое предплечье.

– Не произноси больше ни одного гребаного слова, – шипит она, и я замолкаю.

– Приятно было столкнуться с тобой, – бросает Моника и, не прощаясь, выходит из бутика.

Я иду за ней, чувствуя на спине взгляд Меган.

– Моника... – начинаю я, когда мы выходим на улицу.

– Я не хочу об этом говорить! – отрезает она, и в голосе ее слышится сталь.

Я иду рядом, не решаясь нарушить молчание.

Я никогда не видел ее такой...

Это было очень странно, то, как она отреагировала на Меган...

--

Дома нас встречает Эмили. Она сидит на крыльце, и когда мы подъезжаем, встает, пряча телефон в карман.

– Вы уже вернулись? – спрашивает она.

– Да, – я выхожу из машины, чувствуя, как усталость наваливается на плечи. – Моника столкнулась с какой-то дамой, а потом мы практически вылетели из магазина.

Эмили смотрит на меня с любопытством.

– Ты узнал ее?

– Нет... – я пожимаю плечами.

– Но она была сексуальной.

– Ух ты, как банально... – она закатывает глаза, но в голосе ее слышится улыбка.

Она направляется к дому, но у двери останавливается.

– Ладно, я пойду посмотрю телевизор, – говорит она.

– Не стесняйся и присоединяйся ко мне. Ну, или нет...

Она уходит, и я смотрю ей вслед.

Что-то с ней не так.

Я нахожу ее в гостиной. Она сидит на диване, сжавшись в комочек, и смотрит в одну точку.

– Все в порядке, Эмили? – спрашиваю я, садясь рядом.

– Нет, не в порядке... – голос ее звучит глухо.

Я поворачиваюсь к ней, и вижу, как дрожат ее плечи.

– Ты можешь рассказать мне – что случилось?

Она сжимает край дивана, и я вижу, как побелели ее паль-

цы.

– Я не могу больше терпеть это давление! – вырывается у нее, и я вздрагиваю от неожиданности.

Она поднимает голову, и в ее глазах – слезы.

– Мама очень хочет, чтобы я поступила в этот универ, но я не уверена...

Голос ее срывается.

– Мне было трудно сдать вступительный экзамен. – Она вытирает слезы рукавом.

– И я боюсь, что она разозлится, если меня не примут...

Я смотрю на нее, и в этот момент она кажется такой маленькой, такой испуганной.

– Ну же, Эм, – говорю я мягко.

– Все будет хорошо. Что бы ни случилось, Моника не будет сердиться из-за этого.

Она смотрит на меня, и в ее глазах – надежда, которую я не хочу разрушать.

- Она знает, что ты старалась изо всех сил, – продолжаю я.
- Это буквально все, что ты могла сделать.

– Ты правда так думаешь? – голос ее дрожит.

- Да, – киваю я.
- Не волнуйся.

Я беру ее за руку, и ее пальцы – холодные.

– К тому же, добавляю я, – я уверен, что они не ожидают, что ты будешь знать все. Ты ведь здесь для того, чтобы учиться, не так ли?

Она шмыгает носом.

- Да, наверное, ты прав.
- Видишь? – я улыбаюсь.
- Совершенно нормально, что ты такая глупенькая...

Она толкает меня в плечо, и в этом жесте – столько привычного, родного, что я чувствую, как напряжение уходит.

– Ой, да заткнись ты!

– Сама заткнись, я тут пытаюсь посмотреть телевизор, – говорю я, кивая на экран.

Мы сидим в тишине, и это молчание – спокойное, уютное – кажется мне сейчас единственным, что держит меня на плаву.

– Ладно, – говорю я, вставая.

– Я пойду в душ.

Я выхожу в коридор, но мысли мои далеко.

Я рад, что этот день почти закончился. Не думаю, что я понимал, на что соглашался.

Я поднимаюсь по лестнице.

Моника... Почему она так разозлилась на эту Меган.

Я захожу в ванную, закрываю дверь и смотрю на свое отражение в зеркале.

– Час... Близится.

Голос возникает из ниоткуда, и я чувствую, как тело покрывается холодным потом.

Я отвожу взгляд от зеркала, но тень остается. Она пульсирует на периферии зрения, живет своей жизнью.

Это чувство... Это желание... Эта похоть... Оно становится все сильнее...

Я закрываю глаза, и перед внутренним взором встает лицо Моники. Ее запах. Сладкая ваниль, которая не выходит из моей головы с самого утра.

Я хочу пойти к ней... Почувствовать ее тело... Почувствовать ее запах... Эта сладкая ваниль... На ее шее...

Я открываю глаза и смотрю на свои руки. Они дрожат.

—

Ночью я не могу уснуть. Лежу на спине, глядя в потолок, и прислушиваюсь к дыханию Эмили. Она спит спокойно, свернувшись калачиком, и я завидую ее безмятежности.

Черт. Нет, это неправильно. Что, черт возьми, со мной не так...?

Я переворачиваюсь на бок, закрываю глаза, но сон не идет.

– Джон? – голос Эмили звучит тихо, и я вздрагиваю.

– Ты в порядке? – спрашивает она, и я слышу, как она садится на кровати.

– Я не знаю... – выдыхаю я.

– Я... Чувствую себя очень странно в последнее время...

Она молчит несколько секунд, потом я слышу, как она встает.

– Скорее всего, ты просто устал и переживаешь из-за всех этих перемен, – говорит она, подходя к моей кровати.

Я чувствую, как она садится рядом, и матрас прогибается под ее весом.

– Возвращайся в постель, – говорит она.

– А я составлю тебе компанию на ночь, хорошо?

Я киваю, хотя она не может этого видеть в темноте. Она ложится рядом, и я чувствую тепло ее тела.

– Хорошо, Эмили, – говорю я.

– И спасибо.

Когда она рядом со мной, все становится таким мирным и спокойным...

Я закрываю глаза, и впервые за этот долгий день чувствую, что могу расслабиться.

Люблю ее...

Я уже засыпаю, когда что-то меняется. Я открываю глаза, но не могу пошевелиться. Тело одеревенело, язык прилип к небу.

А..?

Я пытаюсь пошевелить пальцами, но они не слушаются.

Я не могу ни двигаться, ни говорить...

Рядом со мной кто-то есть. Я чувствую ее дыхание на своей щеке.

– Ты думал, что сможешь противостоять ему? – голос Эмили, но не ее. Тихий, вкрадчивый, чужой.

Я смотрю на нее, но в темноте не вижу лица.

– Мне было велено преподать тебе урок, – шепчет она, и я чувствую, как ее пальцы касаются моей груди, скользят вниз по животу.

– Как лучше это сделать?

Она наклоняется, и я чувствую тепло ее дыхания.

– Поцеловать твое мужское достоинство?

Эмили! Остановись! – кричу я, но не могу издать ни звука.

Она смеется, и в этом смехе – что-то темное, пугающее.

– Или, возможно... Жесточайшая пытка исполняется самой прекрасной рукой...

Ее пальцы скользят ниже, и я чувствую, как тело откликается на прикосновение.

О, черт! Ее руки такие мягкие.

Она смотрит на меня, и даже в темноте я вижу ее глаза. Они блестят, и в них – уверенность, которой у настоящей Эмили никогда не было.

И то, как она смотрит прямо мне в глаза, тоже. Она другая. Уверенная в себе.

- Твое мужское достоинство пульсирует, – шепчет она.
- Тебе нравятся мои прикосновения... Не так ли?

Я чувствую, как напряжение нарастает, и закрываю глаза, пытаюсь бороться с тем, что не могу контролировать.

Я сейчас кончу!

- О, Джон, – шепчет она, и я слышу улыбку в ее голосе.
- Ты хочешь выпустить все это?

Я открываю глаза, и она смотрит на меня с торжеством.

- Прости, – говорит она, и пальцы ее замирают.
- Но он приказал, чтобы твое семя не вышло наружу...

Я чувствую, как напряжение отступает, оставляя после себя пульсирующую боль.

Она наклоняется, и я чувствую ее губы у своего уха.

- В следующий раз, Джон, – шепчет она.
- Послушайся его.

Она отстраняется, и я смотрю на ее силуэт в темноте.

– И, возможно... – голос ее становится ласковым, почти нежным.

– Ты сможешь спрятать свой кинжал между моих губ...

Она смеется, и этот смех преследует меня даже тогда, когда темнота снова смыкается надо мной.

Глава 3: Семя

Тьма. Она сгущается вокруг меня, становится плотной, почти осязаемой. Я не могу пошевелиться, не могу открыть глаза, но я знаю – я здесь. Снова.

Голос Эмили прорывается сквозь вату в ушах, далекий и искаженный.

– Джон!

Потом – другой голос. Моники.

– Моника!

А потом я падаю. Вниз. В темноту, которая раскрывается подо мной, как бездонный колодец.

Я открываю глаза.

Вокруг – пустота. Ни стен, ни пола, ни потолка. Только я и... Оно.

Существо стоит напротив. Я не вижу его четко – оно ме-

няется, перетекает, пульсирует, но я знаю, что оно смотрит на меня. И в этом взгляде – древность, которую невозможно измерить человеческими мерками.

– Что ты такое? – спрашиваю я, и голос мой звучит глухо, будто из-под воды.

Оно молчит. Тьма вокруг колышется.

– Ты собираешься убить меня?

Голос приходит из ниоткуда. Гулкий, низкий, он вибрирует в костях, в зубах, в самом основании черепа.

– Смерть твоя не послужит мне...

Я сжимаю кулаки, пытаюсь унять дрожь.

– Ибо я – твой хозяин, а ты – мой...

Оно делает шаг вперед – или мне только кажется. Расстояние между нами сжимается, и я чувствую его присутствие каждой клеткой.

– Твоя жизнь принадлежит... Гальдуру!

– Нет! – вырывается у меня, и голос срывается на крик.

– Этого не может быть! Это...

– ТИХО!

Слово врезается в сознание, и я чувствую, как воздух вы-
бивают из легких. Я открываю рот, чтобы закричать, но не
могу издать ни звука. Голосовые связки не слушаются. Язык
прилипает к небу.

– Подчинись.

Я мотаю головой. Изо всех сил, отчаянно.

– Гордыня не найдет пристанища в моих покоях... – голос
звучит спокойно, почти равнодушно.

– Судьба твоя предрешена... Высечена в камне костями
твоих предков.

Оно приближается, и я чувствую, как воздух становится
тяжелым, вязким.

– Но за послушание полагается награда...

Перед глазами начинают мелькать образы. Женщины. Мо-
ника, Эмили, Хлоя. Их тела, их губы, их глаза. Деньги.

Власть. Наслаждение.

– Войны начинались и за меньшее, чем я тебе предлагаю...

Я закрываю глаза, но образы не исчезают. Они пульсируют под веками, вжигаются в сознание.

– А взамен твой хозяин требует... Послушания.

Тишина. Я слышу только свое дыхание и биение сердца.

– Пройди что-нибудь в ответ, собачка.

Давление в горле ослабевает, и я делаю судорожный вдох. Воздух обжигает легкие.

– Зачем... – выдыхаю я.

– Зачем я тебе нужен, если ты так могущественен?

Тьма вокруг нас пульсирует, и я чувствую, как существо сканирует меня, проникает в мысли.

– Не сомневайся в моей силе, человек.

– Твоя сила... – я сжимаю кулаки, и в голосе появляется

ВЫЗОВ.

– Из-за тебя я испытываю к ним... Сексуальное влечение!

– Да... Должен питаться...

– Но почему? – я делаю шаг вперед, и темнота расступается.

– Ты заставил Эмили отправить мне свое сообщение... Как она отреагирует, когда снова увидит меня?

Существо молчит, и я продолжаю, чувствуя, как гнев поднимается во мне.

– Я сделал все эти вещи с Эмили... Она же моя сводная сестра. Как она отреагирует, когда я вернусь?

– Не беспокойся, – голос звучит равнодушно.

– Воспоминания не задержатся в ее голове.

Я замираю.

– Собирай энергию для своего хозяина...

– Что я должен делать?

Тьма сгущается, и я чувствую, как существо улыбается. У

него нет рта, но я чувствую эту улыбку – холодную, древнюю, голодную.

– Похоть... Или смерть... Мне все равно.

Я отступаю на шаг.

– Выбирай сам.

– «Похоть или смерть»? – переспрашиваю я, и голос срыгается.

– О чем ты говоришь? Что это значит?!

– Выбирай...

Я открываю рот, чтобы закричать, и в этот момент мир взрывается светом.

—

– Хлюя...? – голос мой звучит хрипло, и я с трудом разлепляю веки.

Белый потолок. Белые стены. Резкий запах антисептиков.

– Джон! – она сидит на стуле у кровати, и в ее глазах об-

легчение, смешанное с усталостью.

– Что... Что случилось? – я пытаюсь приподняться, но тело не слушается. Руки ватные, голова кружится.

– Ты потерял сознание, – говорит она, и голос ее звучит ровно, но я вижу, как дрожат ее пальцы.

Я оглядываюсь. Капельница, прикроватная тумбочка, монитор у изголовья.

– И ты привезла меня в больницу?

Она молчит несколько секунд.

– Ты был без сознания два дня.

– Два дня?! – я сажусь, и мир перед глазами плывет.

– Все очень волновались за тебя, – говорит она, и в ее голосе появляется что-то, чего я не слышал раньше.

– ...Даже ты?

Она отворачивается, и я вижу, как напряглись ее плечи.

– Я... Просто заткнись.

– А, – усмехаюсь я, хотя внутри все сжимается.

– Вот и ожидаемая мной забота.

Хлоя встает, и стул скрипит по линолеуму.

– Да, ты явно в порядке. Пусть мама с тобой разбирается.

Она выходит, и дверь за ней закрывается с тихим щелчком.

Я остаюсь один. Смотрю на белый потолок, на капельницу, на свои руки, которые все еще дрожат.

Может быть, быть здесь – не самое худшее.

Я закрываю глаза.

Я могу рассказать докторам о своих видениях – посмотрим, какие таблетки они мне пропишут...

– Я хочу покинуть это жилище, – голос возникает в голове, и я вздрагиваю.

– Энергия здесь какая-то... Мрачная.

– Блядь, – выдыхаю я, оглядываясь. В палате никого.

– Мне скоро нужно будет питание...

Я сжимаю простыни.

– Это не реально... – шепчу я.

– Это не реально... Это не реально... Это не...

– Прекрати болтать.

– Ты всего лишь плод... – начинаю я, но голос перебивает.

– Твоего воображения? Может, стоит продемонстрировать мое существование?

Я замираю.

– Если бы я выпотрошил эту твою девчонку и положил ее внутренности к твоим ногам, ты бы вообразил это или это было бы на самом деле?

Я медленно откидываю голову на подушку.

– Покинь это логово морока и готовься к моему возвращению...

– Что произойдет, когда ты вернешься? – шепчу я, но ответа нет.

Дверь открывается, и в палату заглядывает Хлоя.

– Ты с кем-то тут разговариваешь?

Я моргаю, пытаюсь придать лицу нормальное выражение.

– О, я... Я думал, это кровать с голосовым управлением, – говорю я, чувствуя, как глупо это звучит.

– Похоже, я ошибся.

Она смотрит на меня, и в ее взгляде – смесь раздражения и беспокойства.

– Ты такой странный...

В этот момент дверь распахивается, и в палату влетает Моника.

– Джон! Я так волновалась!

Она бросается ко мне, и я чувствую запах ее духов – сладкая ваниль.

– Голова немного затуманена, но я думаю, что со мной все в порядке, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

Она отстраняется, вглядывается в мое лицо.

– Дай-ка я взгляну на тебя поближе, мой бедный мальчик...

Она проводит рукой по моему лбу, и я чувствую, как тепло разливается по телу.

– Врачи не могут этого объяснить, – говорит она, и в голосе ее слышится тревога.

– Говорят, что твоя нервная система перегружена...

– Ну... – я пытаюсь улыбнуться. – Мне уже гораздо лучше.

– Прекращай, – она сжимает мою руку.

– Врачи собираются сделать еще несколько анализов, пока не смогут определить, в чем дело.

– Покинь это место!

Я вздрагиваю.

Блядь.

– Моника, пожалуйста, не надо, – говорю я, высвобождая руку.

– Тесты – это дорого, и нам сейчас не по карману. Возможно, это просто стресс.

– Ты был без сознания два дня, Джон! – в ее голосе появляется жесткость.

– Пусть врачи с этим разбираются! Мы...

– Нет! – вырывается у меня, и я вижу, как она отшатывается.

– Ты не можешь помешать мне уйти. Я ценю заботу, но просто... Не надо, ладно?

Она смотрит на меня, и в ее глазах – боль.

– Ты серьезно сейчас кричишь на меня...

– Мама, прекрати, – голос Хлои звучит неожиданно твердо.

– Он взрослый. И если он говорит, что все в порядке...

Моника поворачивается к ней, и я вижу, как ее лицо меняется.

– Значит, я здесь плохой полицейский, да? – голос ее дрожит.

– Потому что я хочу, чтобы он был в порядке...?!

– Никто этого не говорит, Моника... – я провожу рукой по лицу, чувствуя, как усталость наваливается с новой силой.

– Я бы предпочел просто... Я хочу отдохнуть в своей постели.

Я поднимаю глаза.

– Не могла бы ты отвезти меня домой?

Она смотрит на меня долгим взглядом.

– ...Хорошо, – говорит она наконец.

– Я скажу им, чтобы они отменили анализы.

—

Дома нас встречает Эмили.

– Джон! – кричит она, бросаясь ко мне, и я едва успеваю подхватить ее.

– Ты вернулся! Я так волновалась за тебя...

– Не стоило, – усмехаюсь я, чувствуя, как ее тепло пробивается сквозь холод, сковавший меня в больнице.

– Я в полном порядке, правда.

Она отстраняется, и я вижу, что ее глаза покраснели.

– Я бы пришла в больницу, но была занята учебой...

– Тебе это должно быть знакомо, да, Джон? – голос Хлои звучит сзади, и я чувствую в ней знакомую колкость.

– Видишь, Эмили? – оборачиваюсь я.

– Ты не нужна была мне там, ведь у меня была забота и тепло Хлои...

Хлоя фыркает и уходит, но я замечаю, как дернулся уголок ее губ.

– Это неважно...

Моника проходит на кухню, и я слышу, как она открывает холодильник.

– Эй, ты можешь накрыть на стол, пока я разогреваю ужин?

– Конечно! – Эмили уже бежит к шкафам.

– Я помогу, – говорю я, но она останавливает меня жестом.

– Нет, Джон, сиди. Я обо всем сама позабочусь.

– Ты уверена, что тебе не нужна помощь? – спрашиваю я, садясь за стол.

– Думаешь, я не могу с этим справиться? – она выгибает бровь, и в этом жесте вызов.

– А разве можешь? – поддразниваю я.

– Ты такая хрупкая и слабенькая, что я даже и не знаю.

– О, сейчас ты за это получишь!

Она бросает в меня прихваткой, и я ловлю ее на лету.

– Ой!

– Следите за руками, мистер! – кричит она, и я смеюсь.

– Эй, я защищался.

Моника входит с кастрюлей, и на ее лице появляется улыбка.

– Вы оба становитесь такими детьми, когда остаетесь наедине.

Она ставит кастрюлю на стол.

– Эмили, пожалуйста, позови Хлою на ужин.

– Хорошо.

Эмили выбегает, и мы остаемся вдвоем. Моника садится напротив, и я чувствую на себе ее взгляд.

– Как ты себя чувствуешь, дорогой? – спрашивает она.

– Намного лучше, – говорю я, и это почти правда.

– Я чувствую себя совершенно нормально.

Если не считать жуткого демона, живущего в моей голове...

– Я настаиваю, чтобы ты пошел и отдохнул, – говорит она, и в голосе ее появляется материнская строгость.

– Я не хочу, чтобы ты занимался чем-то напряженным.

– Хорошо, – киваю я.

– Будем делать всего понемногу...

Она улыбается, и на секунду мне кажется, что все может быть хорошо.

– Наконец-то мы снова сможем поесть все вместе.

В кухню входит Эмили, а за ней – Хлоя. Они садятся за стол, и на несколько секунд воцаряется тишина.

– Ты ведешь себя странно, мама, – замечает Эмили.

– Ты же не собираешься заставлять нас произносить молитву? – хмыкает Хлоя.

Моника качает головой, но в ее глазах – тепло.

– Я пыталась насладиться моментом – моя ошибка...

Я беру вилку.

– Ух... Еда очень вкусная.

– Это новый рецепт? – спрашивает Эмили.

– Да... Вкус отличный, – добавляет Хлоя, и я слышу в ее голосе искренность.

– Всегда пожалуйста, – Моника смотрит на нас, и в ее взгляде столько всего, что у меня перехватывает дыхание.

– Эмили, – говорит она, расскажи нам о своих занятиях.

Эмили мнет салфетку.

– М-м... Все хорошо...

Она замолкает, и я вижу, как она подбирает слова.

– Я просто ожидала, что все будет немного по-другому.

– Каким образом? – Моника склоняет голову.

– Наверное, я думала, что занятия по фотографии будут более... Не знаю... Практическими? – Эмили смотрит в тарелку.

– Вместо этого тонна технических терминов. И все это просто... Я чувствую, что мне там не место.

Лицо Моники становится жестче.

– Я не хочу слышать о том, что ты собираешься бросать учебу.

– Я не это сказала...

– Единственный способ стать лучше – это попасть в условия, в которых тебе «не место», – голос Моники тверд, и я слышу в нем ту самую сталь, перед которой трепетали подчиненные

– Этот мир не знает жалости, и настало время набраться смелости.

– Ну же, мама, – Эмили пытается улыбнуться.

– Ты раздуваешь из мухи слона...

– Неужели ты хочешь закончить как она? – Моника кивает в сторону Хлои.

– Взрослый человек, живущий дома без какой-либо работы?

– Эй! – Хлоя вскидывается.

– Я нашла место, которое ищет сотрудников. Скоро у меня будет собеседование там.

– М-м-м... – Моника прищуривается. – И что это за работа?

– В торговом центре есть киоск с солнцезащитными очками...

– Это все, на что ты способна? – голос Моники взлетает.

– Какой-то киоск...?!

– Ты никогда не говорила мне, какую работу я должна найти! – Хлоя вскакивает, и стул с грохотом отодвигается.

Черт. Это выходит из-под контроля.

– То есть, я должна быть благодарна тебе, что ты не ходишь по улицам и не раздаешь листовки, да?! – Моника тоже поднимается, и воздух между ними искрит.

– Почему ты всегда меня осуждаешь, чтобы я не дел...

– А! – я хватаюсь за голову, и боль простреливает виски.

– Блин, у меня голова кружится.

– Джон! – Моника бросается ко мне.

– Ты в порядке...?

Она берет меня за плечи, и я чувствую, как ее пальцы дрожат.

– Джон...?

– Да, – выдыхаю я.

– Думаю, да...

Моника поворачивается к Хлое, и в ее глазах – гнев.

– Видишь, что ты натворила, Хлоя?

– Я?! – голос Хлои срывается.

– Я... Знаешь что?!

Она делает шаг вперед, и я вижу, как ее лицо искажается.

– Я чувствую, что умер не тот родитель!

Тишина.

Она падает на стул, и плечи ее трясутся. Моника замирает, и я вижу, как она борется с собой.

– Мама...? – голос Эмили звучит тонко, испуганно.

Я не могу произнести ни слова.

--

После ужина я выхожу на крыльцо. Ночь холодная, звезды кажутся слишком яркими, слишком близкими.

Сзади открывается дверь, и Эмили садится рядом.

– Так вот что я пропустил, да? – говорю я, не глядя на нее.

Она молчит.

– Эмили...?

– А, прости, – голос ее звучит глухо. – Это просто... Слишком.

– Не стоит, я понимаю.

Мы сидим в тишине, и я слышу, как она дышит.

– Но... – она поднимает голову.

– Мама права.

– В чем?

– В том, что я не сдаюсь, – голос ее становится тверже.

– Да, предметы даются тяжело, но у меня есть шанс чему-то научиться, и я должна это ценить.

– Ну, если только это то, чем ты хочешь заниматься.

– Да, я знаю это, Джон...

– Просто... – я поворачиваюсь к ней.

– Это не твоя обязанность – оправдывать чужие ожидания, понимаешь?

Она смотрит на меня, и в ее глазах – благодарность.

– Конечно. Я хочу это сделать. Очень хочу.

– Я рад, – улыбаюсь я.

– И я буду поддерживать тебя, как смогу.

Она улыбается, и в этой улыбке – столько света, что я чувствую, как холод отступает.

– Я так рада, что ты это сказал... – Она делает паузу.

– Потому что меня нужно подвезти на учебный проект!

Я закатываю глаза.

– Я имел в виду – поддержать тебя морально. Ну, знаешь, поддержать тебя так, чтобы я ничего при этом не делал.

– Джон! – она толкает меня в плечо.

– Ладно, договорились, – смеюсь я.

– И когда?

– Как можно скорее.

Она смотрит на меня, и в ее глазах – озорство.

– Если только ты не хочешь, чтобы я потерпела неудачу, мама разочаровалась и выгнала меня из дома. Я не хочу жить под мостом...

– Ха-ха, ладно-ладно, прекрати! – поднимаю я руки.

– Я же уже сказал «да»!

– Я тебе говорила, что ты классный?

– Не так уж и часто.

Она наклоняется и чмокает меня в щеку.

– Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю.

Она встает, и я слышу в ее голосе улыбку.

– В общем, я пойду и приму горячий душ, а ты помой всю посуду.

– Эй!

– Извини, но правила есть правила! – кричит она, уже входя в дом.

– Последний всегда моет посуду!

Я смотрю ей вслед, чувствуя, как тепло разливается в груди.

Хоть одна из них вменяемая...

– Ты мне должен!

Я подскакиваю. Хлоя стоит за моей спиной, и я не слышал, как она подошла.

– Черт, Хлоя! – выдыхаю я.

– Ты меня напугала...

Она смотрит на меня, и в ее взгляде – что-то новое. Не злость. Не презрение. Что-то, чего я не могу определить.

– С чего ты такой нервный...?

– Ну, это была тяжелая пара дней, – пожимаю я плечами.

– Меня нужно подвезти до торгового центра, – говорит она, и в голосе ее слышится напряжение.

– Почему?

– Собеседование, помнишь?

Я усмехаюсь.

– Что может понадобиться знать о тебе продавцу солнечных очков?

– Ты подвезешь или нет? – она скрещивает руки на груди.

– Ну, наверное...? – я смотрю на нее.

– Но почему ты сама не можешь съездить? У тебя ведь

есть права?

Она отводит взгляд.

– ...Больше нет.

– Ты что, издеваешься?

Молчание.

– Ох, вау, – выдыхаю я.

– Можешь просто подвезти меня без этих гребаных вопросов?

Я смотрю на нее. На ее вздернутый подбородок, на сжатые губы, на руки, которые она прячет в карманы.

– Конечно, Хлоя, – говорю я.

– Когда ты просишь так вежливо, я не могу отказать тебе!

Она фыркает и разворачивается.

– До завтра тогда!

– Жду с нетерпением!

– Спасибо!

– Не за что!

Дверь за ней закрывается, и я остаюсь один.

Клянусь, я, блядь, оставлю ее в торговом центре...

--

В городе, в квартире на верхнем этаже, Меган смотрит в окно. За стеклом – огни ночного города, но она не видит их. Она смотрит внутрь себя, туда, где пульсирует темный камень, вживленный в грудь.

– Я понятно выражаюсь? – спрашивает она, не оборачиваясь.

Человек за ее спиной кивает. Она чувствует это движение.

– Да.

– Я должна знать каждый их шаг – особенно этого парня.

– Понял.

– Можешь идти, – она поворачивается, и в глазах ее отражается холодный свет.

– Держи меня в курсе.

Человек уходит, и Меган снова остается одна. Она проводит рукой по груди, и под пальцами пульсирует камень – живой, горячий, голодный.

– Скоро, – шепчет она, и в голосе ее древняя тоска.

– Скоро.

—

Ночь. Я лежу в темноте, прислушиваясь к дыханию Эмили. Она спит, и я завидую ее спокойствию.

Весь день прошел... на удивление хорошо.

Я закрываю глаза, но сон не идет.

Честно говоря, я согласен. Покинуть больницу было глупо...

Я переворачиваюсь на бок.

Завтра я вернусь и поговорю с кем-нибудь о видениях.

– Похоть или смерть.

Голос возникает в голове, и я подсакиваю на кровати.

– Черт побери! – выдыхаю я, оглядываясь.

Эмили не просыпается.

Я сжимаю простыни.

– Ты не настоящий!

– Не говори... – голос звучит почти устало.

– ...Думай.

Моя голова начинает покалывать, будто кто-то скребет кожу изнутри длинными ногтями. И я понимаю – мне не нужно говорить вслух. Он слышит мысли.

– Похоть или смерть.

– Я ничего не буду выбирать! – думаю я, и слова отдаются болью в висках.

Я смотрю на кровать Эмили.

По крайней мере, Эмили здесь нет.

– Эмили... Друг или враг?

– Что?

Тишина. Но я чувствую его раздражение – тяжелое, давящее, как грозовое облако.

– Друг, – отвечаю я.

– Очень хорошо...

Я жду, но он молчит. А потом голос его становится тише, будто он уходит вглубь.

– Похоть.

Я открываю глаза.

– Да... – шепчу я, и голос мой звучит чужим.

– Похоть...

—

Я иду по коридору. Ноги несут меня сами, и я не пытаюсь их остановить. В доме тихо, только половицы скрипят под ногами.

Ванная. Дверь приоткрыта, и из-за нее льется свет.

Я толкаю дверь.

– Эй, Джон! – Эмили стоит у зеркала, и на ней только полотенце.

– Что ты делаешь...?!

Я не могу ответить. Не могу остановиться.

Не могу... Остановиться...

– Узри силу... – голос внутри меня звучит торжествующе.

– ...Твоего хозяина.

– Джон? – голос Эмили меняется, становится осторожным.

Я делаю шаг к ней.

– Прикоснись...

Моя рука поднимается. Пальцы касаются ее плеча, скользят по ключице, спускаются ниже.

Она не отстраняется.

– Продолжай...

Я чувствую тепло ее кожи под пальцами. Она закрывает глаза, и ее дыхание учащается.

– Тебе нравится моя грудь? – шепчет она, и в голосе ее что-то новое. Что-то, чего я раньше не слышал.

– Отвечай.

– Да, – выдыхаю я.

Она открывает глаза, и в них – вызов.

– ...Тогда докажи мне.

Мои руки двигаются сами. Я касаюсь ее, и она выгибается навстречу.

– О, Джон, – шепчет она.

– Не останавливайся.

– Собирай жатву... Для своего хозяина.

– Ниже, – командует она, и я повинуюсь.

– Я сказала, ниже...

Я чувствую, как она дрожит под моими пальцами.

– Продолжай... Возьми меня...

Ее голос срывается, и я чувствую, как пульсирует кровь в висках.

– Быстрее, не останавливайся... Мне нужно, чтобы ты ускорился.

– Пожалуйста... Быстрее... Еще... Пожалуйста...

Она хватает меня за плечи, и ее ногти впиваются в кожу.

– Ох... Не останавливайся! Быстрее. Сильнее. Быстрее!

– ДА! – кричит она.

– ДА-А-А!

Ее тело выгибается, и я чувствую, как она содрогается.

– О Боже, вот так! Вот так...!

В этот момент в дверь громко стучат.

– ЭЙ! ЧТО ТАМ ПРОИСХОДИТ?

Эмили замирает. Ее глаза расширяются, и я вижу, как возвращается осознание.

– Встань в угол, – шепчу я, и она отступает, не понимая, что происходит.

Угх. Что мне делать? – думаю я, чувствуя, как паника накрывает с головой.

– Ты можешь сделать так, чтобы она ушла?

Молчание.

– Эй...? Гальдур...?

Стук повторяется, настойчивее.

– Кто в ванной?! – голос Моники.

Я смотрю на Эмили. Она стоит в углу, и ее лицо застыло в странном выражении.

– Ублюдок... – шепчу я.

– Угх, Хозяин? Ты здесь?

Тишина.

– Ты не видел Эмили? – голос Моники за дверью.

– Мне показалось, что я слышала ее голос...

Я делаю глубокий вдох.

– А... нет, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Ее точно нет со мной тут, в ванной...

– Что же я тогда слышала? – голос Моники звучит подозрительно.

– Мне показалось, что я слышала ее голос или женский голос, доносящийся отсюда. Что-то вроде стона...

– Я не понимаю, о чем ты говоришь...

– Ты что-то скрываешь... – в голосе Моники появляется сталь.

– Я слышала стон!

Я закрываю глаза.

– Ну-у-у...

Я открываю их и смотрю на дверь.

– ...Я смотрел порно.

Тишина.

– Оу! – голос Моники становится смущенным.

– Да, – продолжаю я, чувствуя, как горечь заливает лицо.

– Жить в одной комнате с Эмили нелегко...

– Понятно...

– Либо здесь, либо снаружи, как животное.

– Пожалуйста, прекрати об этом говорить.

– Ну, ты же сама спросила...

– Просто... потише, ладно? – голос Моники становится

мягче.

– Купи наушники или еще что-нибудь...

– Да, хороший совет, – выдыхаю я.

– Спасибо.

Я слышу, как ее шаги удаляются.

– Эй, Парень-Демон... – думаю я, глядя на застывшую Эмили.

– Как мне перестать контролировать ее?

Тишина.

– Эй?

Я слышу звук. Тихий, нарастающий. Сердцебиение.

Этот звук...

Эмили моргает.

– Черт, – шепчу я.

– Она сейчас очнется! Мне нужно валить.

Я выскальзываю за дверь и закрываю ее за собой.

--

Я стою в коридоре, прислушиваясь. Из ванной не доносится ни звука.

Черт! Я был близок к полному провалу.

Я поднимаюсь в комнату, падаю на кровать.

– Эй, ты здесь? – думаю я, глядя в потолок.

– Мне нужны чертовы ответы!

Тишина.

Я закрываю глаза.

Я не могу понять, то ли я просто разговариваю сам с собой, то ли он меня слышит.

Я переворачиваюсь на бок.

Может, он слаб и не может ответить.

Может, он ненастоящий, и я все это выдумал.

Я смотрю на дверь.

Может быть...

– Может, я просто чокнутый на всю голову.

—

Утро. Солнце бьет в окно, и я щурюсь, пытаюсь проснуться.

Я сижу на кровати, чувствуя, как голова гудит.

– Эй... Гальдур...? – шепчу я.

Тишина.

По-прежнему ничего. Хм... Может, он наелся и ему нужно переварить пищу или что-то в этом роде...

Я встаю, натягиваю джинсы.

Неважно. Нет смысла ждать, пока случится что-то плохое.

Я выхожу в коридор.

Я сказал Хлое и Эмили, что подвезу их.

Я спускаюсь по лестнице.

И за Монику я беспокоюсь.

На кухне тихо. Я заглядываю – никого.

То, как она ссорилась с Хлоей вчера... Стресс из-за смерти отца... Уверен, ей бы не помешало дружеское лицо.

Я прохожу в гостиную, сажусь на диван.

Зеваю М-м-м...

Я смотрю в окно.

Это была интересная ночь...

Я усмехаюсь.

Если бы Эмили очнулась хоть на секунду раньше, я бы уже был в полной заднице.

Мой желудок урчит.

Кажется, я забыл поесть вчера. Я умираю с голоду.

Я встаю и иду на кухню.

—

На кухне никого нет. Я открываю холодильник, достаю молоко и хлопья.

Зеваю

Я сажусь за стол и смотрю в окно. Ветер колышет ветви деревьев, и тени бегут по стене.

– М-м-м-м.. – мычу я, жуя хлопья.

Надо дать ей поспать.

Я доедаю завтрак, ставлю тарелку в раковину.

...И перекусить. Я не хочу помогать девочкам на голодный желудок.

Я уже собираюсь выйти, когда слышу шаги на лестнице.

Вот черт, мне лучше уйти.

– Доброе утро, – голос Моники звучит бодро, и я оборачиваюсь.

Она стоит в дверях, и я вижу, что ее лицо отдохнувшее, спокойное.

– Ну, как спалось? – спрашиваю я.

Удивительно, как она ничего не помнит...

– Ты голоден, милый? – спрашивает она, проходя к плите.

– Да, – киваю я.

– Я бы не отказался от чего-нибудь поесть.

Я смотрю на нее.

– У тебя хорошее настроение.

Она улыбается, и в этой улыбке – столько жизни, что у меня перехватывает дыхание.

– Я чувствую себя прекрасно, дорогой! – восклицает она.

– Не знаю, что произошло, но я проснулась с ощущением, что помолодела на десять лет.

– ...Это хорошо, – говорю я, чувствуя, как внутри все сжимается.

– Пожалуйста, накладывай столько, сколько хочешь, – она ставит передо мной тарелку.

– Я собираюсь заняться йогой в своей комнате.

Она поправляет волосы и улыбается.

– Не то, чтобы мне это было нужно, ха-ха.

Она выходит, и я смотрю ей вслед.

Она такая из-за... Того, что мы сделали?

Я сжимаю вилку.

—

После завтрака я выхожу в коридор. Наверху тихо.

Угх... Последние несколько дней были такими напряженными.

Я поднимаюсь по лестнице, останавливаюсь у двери Мо-

ники.

Но прежде мне нужно поговорить с ним. Мне нужны ответы.

Я стучу.

– Моника, можно?

– Входи, – голос ее звучит спокойно.

Я открываю дверь. Она сидит на коврике, ноги скрещены, глаза закрыты.

– Чем я могу тебе помочь? – спрашивает она, не открывая глаз.

– Вообще-то я собирался спросить тебя о том же, – говорю я, присаживаясь на край кровати.

– Тебе нужна какая-то помощь?

Она открывает глаза и смотрит на меня.

– Джон, я не могу допустить, чтобы ты напрягался...

– Я в порядке, – перебиваю я.

– Мне лучше чем-то заняться.

Она изучает мое лицо.

– Мне знакомо это чувство...

– Так что давай, – улыбаюсь я.

– Я хочу тебе помочь.

Она задумывается.

– Мне нужно навести порядок в подвале...

– Видишь? – усмехаюсь я.

– Это звучит... Пиздецки весело.

– Следи за языком! – она бросает в меня подушку, и я ловлю ее.

– Если я собираюсь помочь тебе в подвале, – говорю я, – то я могу позволить себе пару словечек.

Она качает головой, но в глазах ее – улыбка.

– Вполне справедливо...

Подвал встречает нас запахом сырости и старой пыли. Я включаю свет, и лампа под потолком заливает комнату тусклым желтым светом.

– Как это место так быстро захламилось? – спрашиваю я, оглядывая горы коробок.

– Это то, что делают подвалы, – Моника проходит вперед, и голос ее звучит отстраненно.

– Собирают ненужный хлам.

– Ну, это было мрачно.

– Прости, – она останавливается у стеллажа.

– Мои мысли бродят по темным местам.

Я подхожу к ней.

– Думаю, поможет, если об этом просто поговорить.

Она поворачивается ко мне, и в ее глазах – усталость.

– Все меньше и меньше людей хотят слушать.

– Я не из их числа, – говорю я.

– Так что можешь поговорить со мной.

Она смотрит на меня долгим взглядом.

– Могу я задать тебе вопрос? – спрашиваю я.

– Конечно, какой?

– Обещаешь, что не будешь злиться?

Она усмехается.

– После такого вопроса обычно ничего хорошего не происходит, но спрашивай. Считайте, что я пообещала.

Я делаю глубокий вдох.

– Меган... Что она тебе сделала? Почему ты так расстроилась?

Лицо Моники темнеет.

– Именно ей твой отец продал все акции нашей компании.

– Она показалась мне милой, но в то же время странной.

– говорю я.

– Держись от нее подальше! – голос Моники становится резче.

– Хорошо, – говорю я спокойно.

– Но почему?

Она смотрит на меня, и в ее взгляде – столько боли, что у меня перехватывает дыхание.

– Она украла у нас все... – шепчет Моника.

– Я никогда не забуду тот день, когда мне посчастливилось с ней познакомиться.

Она закрывает глаза, и я вижу, как она уходит в воспоминания.

—

– Эй, красотка, – голос отца звучит в темноте подвала, и я вздрагиваю от неожиданности.

– Ты уже познакомилась с нашей новой секретаршей?

Моника стоит в дверях кабинета, и на ее лице – улыбка.

– Ну... С нашим новым парковщиком я тоже еще не знакома.

Отец смеется.

– Ха, ты сегодня в хорошем настроении...

Он поворачивается к столу.

– Думаю, она тебе понравится.

Он нажимает кнопку интеркома.

– Меган, ты можешь принести дело Петерсона?

Через несколько секунд дверь открывается. Входит девушка – высокая, с длинными темными волосами и глазами, в которых отражается свет.

– Можно войти, сэр?

– Да, Меган, – отец машет рукой.

– Можешь не спрашивать, ха.

Она подходит к столу, но спотыкается о ковер, и папки вылетают из ее рук. Бумаги разлетаются по полу.

– Вот запрашиваемая вами информа... – она замирает, глядя на разбросанные листы.

– Я... Простите, сэр. Так неловко...

Моника наклоняется к отцу.

– Она действительно была нашим лучшим вариантом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.